

eISSN 2713-3133

СЮЖЕТОЛОГИЯ И СЮЖЕТОГРАФИЯ

2026 № 1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

СЮЖЕТОЛОГИЯ И СЮЖЕТОГРАФИЯ

2026. № 1

Научный журнал
Основан в 2013 году. Периодичность – 4 раза в год
Выходит на русском языке

Редакционная коллегия

доктор филологических наук *Е. В. Капинос* (ИФЛ СО РАН) –
главный редактор
доктор филологических наук *Е. Ю. Куликова* (ИФЛ СО РАН) –
ответственный редактор

кандидат филологических наук *И. Е. Лоцилов* (ИФЛ СО РАН)
кандидат филологических наук *Л. А. Курьшева* (ИФЛ СО РАН)
доктор филологических наук *Е. Н. Проскурина* (ИФЛ СО РАН)
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
И. В. Силантьев (ИФЛ СО РАН)
доктор филологических наук *Л. П. Якимова* (ИФЛ СО РАН)
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
В. Е. Багно (ИРЛИ РАН)
доктор филологических наук, профессор *К. Ичин*
(Белградский университет, Сербия)
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук
Н. В. Корниенко (ИМЛИ РАН)
доктор филологических наук *В. И. Тюпа* (РГГУ)
доктор филологических наук *Ю. В. Шатин* (НГПУ)
кандидат филологических наук, профессор *М. Яхьяпур*
(Тегеранский университет, Иран)

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090
zhurnal.syuzhet@yandex.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство Эл № ФС77-84792 от 17 февраля 2023 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Литературная жизнь сюжета

- Кузнецова В. С.* (Новосибирск)
Легенды народной агиографии о Николае Чудотворце: Вор и святой Николай 5
- Погорельская Е. И.* (Москва)
«История моей голубятни» И. Бабеля: новый комментарий 14
- Корниенко А. А., Куляпин А. И.* (Барнаул)
«Всё или ничего»: мотив бездействия в художественном мире Ю. Олеси 24
- Соколов Б. В.* (Москва)
Большие и малые трагедии: как сюжет романа Теодора Драйзера «Американская трагедия» отразился в рассказе Николая Тихонова «Шутники» 33
- Александрова М. А.* (Нижний Новгород)
Стихотворение Булата Окуджавы «Счастливчик» на фоне Пушкина и оттепельной пушкинианы 47
- Непомнящих Н. А.* (Новосибирск)
Сюжеты сновидений в прозе хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей 62

Рецензии

- Эфендиева Г. В.* (Благовещенск)
Рецензия на книгу: Куликова Е. Ю. «Разбросанные по чужбинам, встречаемые здесь и там»: Восточное продолжение Серебряного века. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2025. – 220 с.: 3 л. вкл. 78

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сцужетография. 2026. № 1

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1

CONTENTS

The Literary Life of a Plot

- Kuznetsova V. S. (Novosibirsk)
Legends of Folk Hagiography about Saint Nicholas the Miracle-Worker:
The Thief and Saint Nicholas 5
- Pogorelskaia E. I. (Moscow)
“The Story of My Dovecote” by I. Babel: New Commentary 14
- Kornienko A. A., Kulyapin A. I. (Barnaul)
“All or Nothing”: The Motif of Inaction in the Artistic World
of Yu. Olesha 24
- Sokolov B. V. (Moscow)
Great and Small Tragedies: How the Plot of Theodore Dreiser’s Novel
“An American Tragedy” Was Reflected in Nikolai Tikhonov’s Short Story
“Jokers” 33
- Aleksandrova M. A. (Nizhny Novgorod)
Bulat Okudzhava’s Poem “The Lucky Man” within the Context of Push-
kin’s Work and the Thaw-Era Pushkiniana 47
- Nepomnyashchikh N. A. (Novosibirsk)
Plots about Dreams in Khanty, Mansi and Evenki Writers’ Works 62

Reviews

- Efendieva G. V. (Blagoveshchensk)
Review of the Book: Kulikova E. Yu. “Scattered in Foreign Lands, Encoun-
tered Here and There”: The Eastern Continuation of the Silver Age. – No-
vosibirsk: Svinin and Sons, 2025. – 220 p.: 3 ill. 78

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сцужетография. 2026. № 1

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1

Литературная жизнь сюжета

Научная статья

УДК 398.3

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-5-13

Легенды народной агиографии о Николае Чудотворце: Вор и святой Николай

Вера Станиславовна Кузнецова

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

v_s_kuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Аннотация

Среди легенд народной агиографии о Николае Чудотворце известны рассказы о святом Николае и воре: вор, спасаясь, молится св. Николаю; старик заставляет его залезть в пададь, где вор и прячется; старик, оказавшийся св. Николаем, объясняет, что ему от свечи вора было так же душно, как вору от запаха падали. Подобные истории отмечены в указателях фольклорной прозы (AaTh 848* The Thief and st. Nicolas; СУС 848*= AA *848 Вор и св. Николай), где учтены только в русском фольклорном материале. Сюжет принадлежит к числу редких и представлен единичными записями, датированными второй половиной XIX – первой четвертью XX в. Все известные варианты сюжетного типа 848* (в том числе выявленные в ходе исследования и не учтенные в указателях) представлены только севернорусскими, уральской и сибирской записями. Сравнение текстов этих повествований выявило различия в конфигурации представленного в них сюжета и позволило выделить две его разновидности, при этом распределение текстов по версиям сюжета не связано с местом их бытования: одну и ту же разновидность сюжета можно найти и в севернорусской записи, и в записи, сделанной в Сибири или на Урале. Указанный характер распределения текстов по версиям сюжета 848* на фоне того, что одна часть известных записей этих повествований сделана на территории Русского Севера, а другая – на территориях, о которых достоверно известно, что основу их населения составляли выходцы из различных областей Русского Севера, убеждают в севернорусском происхождении повествований народной агиографии о св. Николае Чудотворце и воре.

Ключевые слова

русский фольклор, легенды, народная агиография, св. Николай и вор

Для цитирования

Кузнецова В. С. Легенды народной агиографии о Николае Чудотворце: Вор и святой Николай // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 5–13. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-5-13

© Кузнецова В. С., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 5–13
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 5–13

Legends of Folk Hagiography about Saint Nicholas the Miracle-Worker: The Thief and Saint Nicholas

Vera S. Kuznetsova

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation
v_s_kuznetsova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8376-8354>

Abstract

Among the legends of folk hagiography about Saint Nicholas the Miracle-Worker, there are well-known stories about Saint Nicholas and a thief. A thief, who used to put candles before theft, prays to Saint Nicholas while fleeing. The Saint, disguised as an old man, instructs him to hide into a carrion pit. Later, the old man reveals himself to be Saint Nicholas and explains that the thief's candle (a symbol of prayer) made him feel as stiffed as the thief did from the stench of the carrion. Similar stories are noted in indexes of folklore prose (AaTh 848* The Thief and St. Nicolas; SUS 848* = AA *848), where they are included only in Russian folklore material. The plot is rare and is represented by single texts dating from the second half of the 19th to the first quarter of the 20th century. All known variants of plot type 848* (including those discovered during research and not included in the indexes) are represented only by northern Russian, Ural, and Siberian records. A comparative analysis of these narratives revealed differences in their plot structure, allowing us to identify two variations. It was also established that the distribution of texts by plot version is not related to their locale: the same plot version can be found in a northern Russian recording and in a recording made in Siberia or the Urals. This distribution of texts by plot version 848*, coupled with the fact that some known records originate from the pure Russian North while others come from territories settled by people from various Northern Russian regions, supports the theory of Northern Russian origin of these folk hagiographic narratives about St. Nicholas the Miracle-Worker and the thief.

Keywords

Russian folklore, legends, folk hagiography, St. Nicholas and the Thief

For citation

Kuznetsova V. S. Legends of Folk Hagiography about Saint Nicholas the Miracle-Worker: The Thief and Saint Nicholas. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-5-13

Среди легенд народной агиографии о святителе Николае Чудотворце есть повествования, которые рассказывают, как убегающий от погони вор, молится святому Николаю о спасении и обещает поставить ему свечку; явившийся на пути вора старик заставляет его залезть в падаль, где вор и прячется; старик же, оказавшийся св. Николаем, объясняет, что ему от свечи вора так же душно, как вору от запаха падаль. Указатели фольклорной прозы относят подобные рассказы к сюжетному типу *Вор и св. Николай* (AaTh 848*, СУС 848* = AA *848). Сюжет принадлежит к числу редких, известен в единичных записях. В указателе Аарне-Томпсона [AaTh, 1964] он учтен только в русском фольклорном материале. Срав-

нительным указателем сюжетов восточнославянской сказки [СУС, 1979] представлен двумя текстами.

Один из них – вариант «Об отце Николае» из собрания сказок А. Н. Афанасьева [Афанасьев, 1985, № 451] с пометой «записано в Пермском уезде Д. М. Петуховым». В пояснениях к другим опубликованным А. Н. Афанасьевым текстам этого собирателя информация о месте записи и корреспонденте сообщается более подробно: «записано в г. Дедюхино Пермского уезда лекарем М. Д. Петуховым» [Бараг, Новиков, 1985, с. 425–426]. Текст рассказа «Об отце Николае» был напечатан А. Н. Афанасьевым в VII выпуске «Народных русских сказок» [Афанасьев, 1863, № 50, с. 336–337] с пояснением «Рассказы, напечатанные под №№ 48–50, записаны в Пермском уезде г<осподином> Д. Петуховым». Седьмой выпуск вышел из печати в 1863 г., следовательно, запись может быть датирована концом 50-х – самым началом 60-х гг. XIX в. Это самая ранняя фиксация указанного сюжета. Этим же вариантом сюжет представлен в указателе Аарне-Томпсона. Вот этот рассказ по изданию 1863 г.:

В одном городе был вороватой человек, и наделал уже много бед. Однажды случилось ему обокрасть богатого человека; дело это подметили и послали за ним погоню. Долго он бежал лесом, а впереди того леса была чистая степь вёрст по крайней мере на десять. Как пробежал весь лес, остановился и не знает, что ему делать. Если бежать по степи, то сейчас поймут, потому что версты на две все видно, а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: «Господи! Прости мою душу грешную; батюшко отец Николай, сокрой меня – я тебе гривенную свечку поставлю».

Вдруг не откуда взялся – предстал человек пожилых лет, и спрашивает вора: «Что ты теперь говорил?» Вор отвечает: «Вот что я говорил: “Батюшко отец Николай! // сокрой меня в этой глуши” и обещался ему свечу поставить». Тут он покался старичку в своем грехе. Старик ему сказал: «Если хочешь, полезай в это падалище!» А тут неподалёку лежала падаль. Нечего было делать вору, надо было лезть в падаль, потому что пойману быть не хочется. Залез он туда, а старичок в ту же минуту невидим стал. Тот старичок был сам отец Николай. Вот приближается погоня; выехали люди на степь, отъехали с полверсты – никого не видать, и воротились обратно; а вор лежит в падалище, еле дышит – такой гнилой дух! Когда проехала погоня мимо, он вылез оттуда и видит опять того же старичка – стоит неподалечку да собирает воск. Вор подходит к нему, благодарит за избавление; тогда старичок снова спросил: «А что ты обещал отцу Николаю, когда искал убежища?» Вор отвечает: «Я обещался сменить гривенную свечу» – «То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи». И дал ему старичок наставление: «Никогда не проси Господа Бога и святых его угодников на злые дела, потому что Господь не благословляет злых дел. Да смотри же, помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили Бога в худых делах!» Сказал это и скрылся из глаз [Афанасьев, 1863, № 50, с. 336–337].

Второй из указанных в СУС текстов с этим сюжетом – рассказ «Бедный мужичек и Николай Чудотворец» из собрания сказок Архива Русского Географического общества, изданного А. М. Смирновым [Смирнов, 1917, № 53] с пометой, что запись сделана в Боровичском уезде [Новгородской губернии] в 1903 г., без указания сведений о рассказчике и собирателе.

Согласно этому варианту, бедняк, доведенный до отчаяния, воровать отправляется в первый раз и обращается с молитвой о помощи к св. Николаю заранее, а после спасения идет в церковь вторично, чтобы поблагодарить за помощь. За-

вершается рассказ обещанием спасенного св. Николаем вора больше никогда не воровать:

Видит тут мужик, что перед ним стоит сам Николай Чудотворец, пал перед ним на колени и со слезами просит: «Прости меня, грешного, никогда больше не буду». Николай Чудотворец оградил мужика крестом и скрылся [Смирнов, 1917, № 53, с. 254].

К двум отмеченным указателями фольклорной прозы вариантам сюжетного типа 848* можем добавить еще два известных нам текста подобных повествований. Один из них – рассказ, записанный Н. А. Иваницким в 80-х гг. XIX в. в Кадниковском уезде Вологодской губернии. Собиратель предварил его коротким введением: «Большим почетом пользуется св. Николай угодник, называемый “милословым”. Его считают самым милословым из святых, и в Кадниковском у. рассказывается по этому поводу следующая легенда»:

Один вор постоянно ставил Николе свечи, чтобы его не замечали в воровстве. Однажды забрался он в дом, украл деньги и пошел домой, как вдруг слышит за собой погоню. Он стал молиться Николе, обещая поставить свечку. Никола явился в виде седого старичка и говорит: «Помогу, иди за мной». А погоня уж близко. Никола // привел его к «пропадушей» (павшей) корове и говорит: «Лезь в нутро». Вор послушался и влез, а Никола отошел в сторону. Те, которые гнались за вором, пробежали, не заметив его: он «отлежался». Приходит Никола и говорит: «Выходи». Вор вышел и спрашивает: «За что же ты меня наказываешь?» – «А ты за что меня наказываешь?» – спрашивает Никола.

– Как наказываю? Я еще всегда вам свечи ставлю.

– Да вот свечками-то и наказываешь: мне твои свечи еще душевнее этой падины (падали). С тех пор вор перестал воровать и ставить свечи на краденые деньги [Иваницкий, 1890, с. 126–127].

Другая запись сделана Н. Е. Ончуковым 30 июля 1926 г. в селе Велижаны, что «на “Тавде”, в Тавдинском крае, как принято называть теперь его. Это прежде – часть Тюменского уезда, Тобольской губернии, четырехугольник между реками: Турой, Тоболом и Тавдой, т. е. Западная Сибирь» [Ончуков, 1927, с. 26] (ныне – Нижнетавдинский район Тюменской области) от Ивана Евлампиевича Байдакова¹, 75 лет [Неизданные сказки..., 2000, № 51, с. 120–121].

Повествования сюжетного типа 848*, таким образом, известны нам в четырех вариантах, которые датируются второй половиной XIX – первой четвертью XX в. и представлены только севернорусскими, уральской и сибирской записями.

Сравнение текстов этих повествований выявило два различия в конфигурации представленного в них сюжета, которые позволяют выделить две его версии.

1. Согласно первой версии сюжета, вор, прячась от преследователей, сам залезает внутрь падали; согласно второй – залезть туда велит ему св. Николай.

2. Согласно первой версии, вор после спасения идет в церковь, чтобы поставить свечку святому, и, уже выйдя из церкви, встречает св. Николая, который учит его не просить помощи у Бога и святых, когда идешь на злые дела; согласно второй – вор встречает св. Николая и получает вразумление от него сразу после того, как выбрался из тела падали, в церковь он не идет.

¹ О рассказчике И. Е. Байдакове см.: [Ончуков, 2000, с. 33–35].

Первая из разновидностей сюжета представлена в новгородском [Смирнов, 1917, № 53] и тавдинском [Неизданные сказки..., 2000, № 51, с. 120–121] вариантах, вторая – в вариантах вологодском [Иваницкий, 1890, с. 126–127] и пермском [Афанасьев, 1985, № 451]. Интересно при этом, что если оба севернорусских рассказа (новгородский и вологодский) сообщают, что в ответ на строгое наставление св. Николая вор обещает больше не воровать, то урало-сибирские тексты (пермский, тавдинский) такого заключительного эпизода не содержат. Но эта подробность не является «смыслоразличительной» для определения разновидности сюжета, представленной в повествовании.

Распределение по версиям сюжета известных повествований о воре и Николае Чудотворце не связано, как мы видим, с местом их бытования: одну и ту же разновидность сюжета можем найти и в севернорусской записи, и в записи, сделанной в Сибири или на Урале. Записанные на разных территориях, эти повествования представляют одну локальную традицию.

Это обусловлено, как нам представляется, особенностями заселения тех территорий Урала и Сибири, где были зафиксированы такие рассказы. Известно, что в результате миграции населения, происходившей на Урале и в Западной Сибири в XVII–XVIII вв., значительную часть русских насельников Сибири к XIX в. составляли выходцы из различных областей Русского Севера². На это указывают и собиратели, которыми были сделаны записи рассматриваемых повествований. Так, Дмитрий Михайлович Петухов³, который работал врачом на Дедюхинском солеваренном заводе в Пермском уезде и занимался при этом изучением истории города Дедюхина, сообщает: «...издревле здешние места заселяет смесь новгородцев, костромитян, вологжан, балахонцев⁴, вятчан, холмогорцев⁵ и двинян⁶...» [Петухов, 1864, с. 110]. Напомним, именно Д. М. Петухову принадлежит сделанная в г. Дедюхине первая из фиксаций сюжета.

Н. Е. Ончуков, рассказывая о своей работе в Тавдинском крае, в том числе в селе Велижаны, где им был зафиксирован сибирский вариант такого рассказа, сообщил: «Сказки записывал я от коренного русского старожильского населения» [Ончуков, 1927, с. 28], основу же старожильского русского населения этих мест (Среднее Зауралье) составляли прежде всего выходцы из Поморья (Архангельская губерния) и других севернорусских территорий. Убедительнее всего о связи с поморской традицией свидетельствуют особенности самого записанного собирателем текста. Так, в эпизоде, когда убегающий вор прячется в падали, падаль названа рассказчиком «упадью»:

Стали догонять его. Лесок небольшой впереди, вор думат: «Как бы мне до леску добицца, не сохраниюсь ле я в им?» И молица: «Николай Чудотворец! Спаси // ме-

² О характере миграционных процессов русского населения на Урале и в Западной Сибири XVII – начала XVIII в. см., например: [Преображенский, 1972, с. 56–99].

³ Петухов Дмитрий Михайлович (род. в 1819 г.), врач, этнограф, литератор, общественный деятель. Был врачом на Дедюхинском солеваренном заводе в Пермской губернии, служил в земской больнице в Кукарке (Вятская губерния), см.: [Русский биографический словарь, 1910, с. 356–357].

⁴ Балахонцы – название жителей Балахонского уезда Нижегородской губернии.

⁵ Холмогорцы – название жители Холмогорского уезда Архангельской губернии.

⁶ Двиняне – название жителей территории в бассейне рек Северная Двина и Онега (Архангельская губерния).

ня, Николай Чудотворец! Вот тебе гривенна свеча». Забежал в лес и опажнуло его смертным духом: где-то скала⁷ пропащая лежит (*упадъ*)⁸. «Залезу в эту упадь, можот спасусь». <...> Вор выходит из упади. «Впереди церква. Николе свечку поставлю, он меня спас, Никола батюшко» [Неизданные сказки..., 2000, с. 120–121].

В словаре В. И. Даля слово «у́падъ» (от «упадáть») в значении падаль, труп животного имеет помету «архангельское»: «*Упадъ* ж. арх. падаль, стерва, палой, дохлый скот» [Даль, 1994, с. 500]. Слово засвидетельствовано и фольклорными записями, сделанными в XIX в. в Архангельской губернии⁹, что подтверждает связь зафиксированного Н. Е. Ончуковым в сибирском (тавдинском) селе Велижаны народного повествования о воре и св. Николае с традициями народной культуры Русского Севера, в частности Поморья.

Таким образом, характер распределения текстов по версиям сюжета 848* на фоне того обстоятельства, что две из четырех известных записей этих повествований сделаны на территории Русского Севера (Вологодская, Новгородская губернии), а две другие – на территориях, о которых достоверно известно, что основу их населения составляли выходцы из различных областей Русского Севера, убеждают в севернорусском происхождении повествований народной агнографии о св. Николае Чудотворце и воре.

Список литературы

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева (в 8 вып.) / Изд. К. Солдатенкова. М.: Тип. Грачева и комп., 1863. Вып. 7. 340 с.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 3. 496 с.

[*Бараг Л. Г., Новиков Н. В.*] Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг и Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 367–438.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 4. 684 с.

Жекулина В. И. Словарь архаичных и малопонятных слов и оборотов // Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подгот. текстов В. И. Жекулиной; вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Алетейя, 2000, с. 452–458.

Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России / Под ред. Н. Харузина. М.: Тип. А. А. Левенсон и К^о, 1890. Вып. 2. 234 с.

⁷ Скала – куча, см.: [Жекулина, 2000, с. 457].

⁸ В соответствии с принятыми в указанном издании текстологическими принципами публикации записей Н. Е. Ончукова, в круглые скобки заключаются набранные курсивом ремарки исполнителей, см.: [Неизданные сказки..., 2000, с. 25].

⁹ См., например, фрагмент сказки «Федор Водович и Иван Водович», записанной Н. Е. Ончуковым в Усть-Цыльме (Низовая Печера) от Алексея Васильевича Чупрова, 70 лет: «Тогда пошел Иван Водович по чисту полю, нашол стару кобылѣнку худящую, больну и убил это кобылѣнку; вывалил из ее брюшину и забилса сам в брюшину. <...> Прилетел молодой воронѣнок и начал эту *упать* клевать» [Северные сказки, 1998, № 4, с. 79] <курсив мой. – В. К.>.

Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подгот. текстов В. И. Жекулиной; вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Алетейя, 2000. 488 с.

Ончуков Н. Е. Сказки Тавдинского края // Сказочная комиссия в 1926 году. Обзор работ под редакцией акад. С. Ф. Ольденбурга. Л.: Изд. Государственного Русского Географического общества, 1927. С. 26–31.

Ончуков Н. Е. Тавдинские сказочники // Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокшозерские и самарские сказки) / Подгот. текстов В. И. Жекулиной; вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб.: Алетейя, 2000. С. 27–38.

Петухов Д. М. Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1864. 217 с.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в XVI – начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.

Русский биографический словарь (в 25 т.). / Изд. под наблюдением председателя Русского исторического общества А. А. Половцова. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1910. Т. 15. 559 с.

Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб.: Тропа Троянова, 1998. Кн. 1. 476 с.

Смирнов А. М. Сборник великорусских сказок Архива Русского Географического общества / Издал А. М. Смирнов. Пг.: Тип. Рос. академии наук, 1917. Вып. 1–2. 991 с.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

AaTh – The Types of the Folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen", translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1964. 588 p.

References

Afanasiev A. N. Narodnye russkie skazki A. N. Afanasieva (v 8 vyp.) [Russian Folk Tales by A. N. Afanasyev (in 8 iss.)]. Ed. by K. Soldatenkov. Moscow, Tipografiya Gracheva i komp., 1863, iss. 7, 340 p. (in Russ.)

Afanasiev A. N. Narodnye russkie skazki A. N. Afanasieva [Russian Folk Tales by A. N. Afanasyev]. In 3 vols. Moscow, Nauka, 1985, vol. 3, 496 p. (in Russ.)

Barag L. G., Berezovsky I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. V. (comp.). Sravnitel'nyi ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots: East Slavic folktale]. Leningrad, Nauka, 1979, 437 p. (in Russ.)

Barag L. G., Novikov N. V. Notes. In: Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva [Russian Folk Tales by A. N. Afanasyev]. In 3 vols. Moscow, Nauka, 1985, vol. 3, pp. 367–438. (in Russ.)

Dal V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. In 4 vols. Moscow, TERRA Publ., 1994, vol. 4, 684 p. (in Russ.)

Ivanitskiy N. A. Materialy po etnografii Vologodskoi gubernii [Materials on the ethnography of the Vologda province]. In: Kharuzin N. (ed.). Sbornik svedenii dlya

izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii [Collection of information for studying the life of the peasant population of Russia]. Moscow, Tipografiya A. A. Levenson i K^o, 1890, iss. 2, 234 p. (in Russ.)

Neizdannye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova (tavdinskie, shokshozerskie i samarskie skazki) [Unpublished fairy tales from the collection of N. E. Onchukov (Tavdinsky, Shokshozero and Samara fairy tales)]. Prep. of texts by V. I. Zhekulina; intr. article and comments by V. I. Eremina. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000, 488 p. (in Russ.)

Onchukov N. E. Skazki Tavdinskogo kraja [Tales of the Tavda Region]. In: Skazochnaya komissiya v 1926 godu. Obzor rabot pod redaktsiei akad. S. F. Oldenburga [The Fairytale Commission in 1926. A review of works edited by Academician S. F. Oldenburg]. Leningrad, Izdaniye Gosudarstvennogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva, 1927, pp. 26–31. (in Russ.)

Onchukov N. E. Tavdinskie skazochniki [Tavdinsky storytellers]. In: Neizdannye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova (tavdinskie, shokshozerskie i samarskie skazki) [Unpublished fairy tales from the collection of N. E. Onchukov (Tavdinsky, Shokshozero and Samara fairy tales)]. Prep. of texts by V. I. Zhekulina; intr. article and comments by V. I. Eremina. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000, pp. 27–38. (in Russ.)

Petukhov D. M. Gornyi gorod Dedyukhin i okol'nye mestnosti [The mountain town of Dedyukhin and surrounding areas]. St. Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i K^o, 1864, 217 p. (in Russ.)

Preobrazhenskiy A. A. Ural i Zapadnaya Sibir' v XVI – nachale XVIII v. [The Urals and Western Siberia in the 16th – early 18th centuries]. Moscow, Nauka, 1972. 392 p. (in Russ.)

Russkiy biograficheskiy slovar' (v 25 t.) [Russian biographical dictionary (in 25 vols.)] Published under the supervision of the Chairman of the Russian Historical Society A. A. Polovtsov. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1910, vol. 15, 559 p. (in Russ.)

Severnye skazki. Sbornik N. E. Onchukova [Northern Tales. Collection by N. E. Onchukov]. In 2 books. St. Petersburg, Tropa Troyanova, 1998, book 1, 476 p. (in Russ.)

Smirnov A. M. Sbornik velikorusskikh skazok Arkhiva Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Collection of the Great Russian folktales of the Russian Geographical society's Archive]. Issued by A. M. Smirnov. Petrograd, Tipografiya Rossiiskoi Akademii nauk, 1917, vols. 1–2, 991 p. (in Russ.)

The Types of the Folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's "Verzeichnis der Märchentypen", translated and enlarged by Stith Thompson. Helsinki, 1964, 588 p.

Zhekulina V. I. Slovar' arkhainykh i maloponyatnykh slov i oborotov [Dictionary of archaic and obscure words and phrases]. In: Neizdannye skazki iz sobraniya N. E. Onchukova (tavdinskie, shokshozerskie i samarskie skazki) [Unpublished fairy tales from the collection of N. E. Onchukov (Tavdinsky, Shokshozero and Samara fairy tales)]. Prep. of texts by V. I. Zhekulina; intr. article and comments by V. I. Eremina. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000, pp. 542–458. (in Russ.)

Кузнецова В. С. Легенды народной агиографии о Николае Чудотворце

Информация об авторе

Вера Станиславовна Кузнецова, кандидат филологических наук

Information about the Author

Vera S. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted on 19.01.2026;
approved after reviewing on 12.02.2026; accepted for publication on 12.02.2026*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-14-23

К «Истории моей голубятни» И. Бабеля: новый комментарий

Елена Иосифовна Погорельская

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

eipogor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

Аннотация

Статья представляет собой дополнение к реальному комментарию к первой части николаевской автобиографической диалогии И. Э. Бабеля – рассказу «История моей голубятни», написанному в двадцатую годовщину Первой русской революции, Октябрьского манифеста Николая II, последовавших за этим еврейских погромов и посвященному событиям, произошедшим в октябре 1905 г. в Николаеве. Как и в большинстве рассказов Бабеля, повествование ведется от первого лица, сюжет во многом основан на реальных событиях жизни автора, однако эти события сдвинуты на год вперед по сравнению с биографией Бабеля. И, как всегда, на небольшом пространстве художественного текста писатель использует прием необычайного сочетания факта и вымысла, смещения дат и топографии. Это можно в полной мере отнести и к персонажам «Истории моей голубятни». Один из ярких образов, выведенных в рассказе, – помощник попечителя Пятницкий, который присутствует на вступительном экзамене героя-повествователя в первый класс гимназии и проявляет сочувственное отношение к еврейскому мальчику. В статье выясняется, что Пятницкий – реальное лицо: в Николаеве в те годы жил Константин Александрович Пятницкий, служивший в сфере образования. Но был он не помощником попечителя, а инспектором народных училищ 5-го района Херсонской губернии, куда входил Николаев. Сведениями о жизни Пятницкого мы не располагаем. Он известен благодаря короткой переписке с А. П. Чеховым в апреле 1903 г., связанной с просьбой помочь с лечением в Ялте больному туберкулезом учителю сельской школы. В июле 1929 г. в Одессе Пятницкий написал небольшие воспоминания о Чехове, состоящие из двух частей, – комментария к их переписке и записи рассказа бывшего сослуживца Пятницкого, выпускника Таганрогской гимназии И. Ф. Алдырева о Чехове-гимназисте. В конце статьи полностью приводятся два письма Пятницкого, письмо Чехова и воспоминания Пятницкого о Чехове.

Ключевые слова

И. Э. Бабель, «История моей голубятни», К. А. Пятницкий, А. П. Чехов, автобиография, сюжет, художественный вымысел, реальный комментарий

Благодарности

Выражаю искреннюю признательность Эрнесту Дмитриевичу Орлову за помощь при подготовке настоящей работы.

© Погорельская Е. И., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 14–23

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 14–23

Для цитирования

Погорельская Е. И. «История моей голубятни» И. Бабеля: новый комментарий // Сюжетология и сюжетология. 2026. № 1. С. 14–23. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-14-23

“The Story of My Dovecote” by I. Babel: New Commentary

Elena I. Pogorelskaia

The Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

eipogor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0668-7320>

Abstract

The article supplements existing commentary on the first part of I. E. Babel’s autobiographical diptych, “The Story of My Dovecote”. The story itself, dedicated to the events that took place in October 1905 in Nikolaev, was written on the twentieth anniversary of the first Russian Revolution, the October Manifesto of Nicholas II, and the subsequent Jewish pogroms. As in most of Babel’s stories, the narrative is told in the first person, and the plot is largely based on real events from the author’s life, but these events are shifted forward by a year compared to Babel’s biography. As always, the writer uses an extraordinary combination of fact and fiction, shifting dates and topography, within a limited space of text. This can be fully applied to the characters in “The Story of My Dovecote”. One of the vivid characters in the story is Pyatnitsky, the assistant trustee, who attends the narrator’s entrance exam for the first grade of the gymnasium and shows sympathy for the Jewish boy. In the article, it is revealed that Pyatnitsky is a real person: Konstantin Aleksandrovich Pyatnitsky, who worked in the field of education, lived in Nikolaev at that time. However, he was not an assistant trustee but an inspector of public schools in the 5th district of the Kherson province, which included Nikolaev. We do not have any information about Pyatnitsky’s life. He is known for a short correspondence with A. P. Chekhov in April 1903, which was related to a request for help in treating a rural schoolteacher suffering from tuberculosis in Yalta. In July 1929, in Odessa, Pyatnitsky wrote a short memoir about Chekhov, consisting of two parts: a commentary on their correspondence and a recording of a story told by Pyatnitsky’s former colleague, a graduate of the Taganrog Gymnasium, I. F. Aldyrev, about Chekhov as a student. At the end of the article, two letters are provided in full.

Keywords

I. E. Babel, “The Story of My Dovecote”, K. A. Pyatnitsky, A. P. Chekhov, autobiography, plot, fiction, real commentary

Acknowledgments

I would like to express my sincere gratitude to Ernest D. Orlov for his assistance in preparing this work.

For citation

Pogorelskaia E. I. “The Story of My Dovecote” by I. Babel: New Commentary. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 14–23. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-14-23

Автобиографическая диалогия Исаака Бабеля «История моей голубятни» и «Первая любовь» посвящена детским годам писателя, проведенным в Николаеве. Как и в большинстве рассказов Бабеля, повествование ведется от первого лица, сюжет во многом основан на реальных событиях жизни автора. Родители перевезли Бабеля в Николаев не позднее ноября 1895 г., в конце 1905 г. он вернулся в Одессу. Таким образом, заключительная фраза «Первой любви» – «я навсегда простился с Николаевом, где прошли десять лет моего детства» [Бабель, 1936, с. 250]¹ – достоверна. Именно в Николаеве будущий писатель начал свое обучение, только не в гимназии, а в Николаевском коммерческом училище (где процентная норма для евреев была выше). Однако все события в рассказе сдвинуты на год вперед по сравнению с биографией Бабеля: он держал экзамены в старший приготовительный класс не в 1904, а в 1903 г., и соответственно в 1904 г. поступил в первый класс. В октябре 1905 г. Бабель учился уже во втором классе. Подробнее см.: [Погорельская, 2013].

Рассказы «История моей голубятни» и «Первая любовь» написаны в двадцатую годовщину Первой русской революции, Октябрьского манифеста Николая II и прокатившихся вслед за этим в Российской империи еврейских погромов. В «Истории моей голубятни» названы конкретные даты: «Двадцатого сентября тысяча девятьсот пятого года в гимназии вывешен был список поступивших в первый класс. В таблице упоминалось и мое имя» (с. 233). Такая точность понадобилась автору для «симметрии» с подлинной датой – 20 октября 1905 г., вторым днем еврейского погрома в Николаеве: «...мы месяц привыкли к счастливой нашей жизни, и только после первой четверти я вспомнил о голубях <...>. В воскресенье двадцатого октября я собрался на Охотницкую, но на пути стали неожиданные препятствия» (с. 235).

В действительности 20 октября 1905 г. (по н. ст. 2 ноября) приходилось не на воскресенье, а на четверг. По меткому замечанию М. Я. Вайскопфа, «благодаря этой преднамеренной неточности день недели, выбранный автором, из пустой календарной меты переходит в категорию зловещего символа <...> мнимый воскресный день уподоблен самому себе – но взят в расширительном значении» [Вайскопф, 2017, с. 398–399]. Надо добавить, что никакой Охотницкой улицы или площади в Николаеве не было, а всякого рода торговля шла на Базарной площади. Охотницкая – одесский топоним, одно из названий Староконного рынка, и в рассказе Бабеля «Любка Казак» сторож Евзель как раз там продает голубей.

В «Истории моей голубятни», таким образом, проявляется характерный для Бабеля прием необычайного сочетания факта и вымысла, смещения дат и топографии на небольшом пространстве художественного текста, будь то целое произведение или отрывок из него. Как и герой-повествователь николаевских рассказов, юный Бабель стал свидетелем еврейского погрома, но достоверен ли хоть в какой-то мере эпизод с раздавленной голубкой, нам неизвестно.

Помимо героя-повествователя, его родителей, двоюродного деда Шойла (выяснить, имеется ли прототип у этого персонажа, не удалось) в рассказе выведено несколько ярких запоминающихся образов: учитель-словесник Караваев, торговец живым товаром Иван Никодимыч, погромщик инвалид-колясочник Макаренко и его жена Катюша, дворник Кузьма.

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

Среди подробно описанных персонажей в первой половине рассказа обращает на себя внимание ярко и с явной симпатией выведенный образ помощника попечителя Пятницкого. Вот целиком фрагмент, в котором о нем говорится:

Кроме Караваева, на экзамене был еще помощник попечителя Пятницкий, считавшийся важным лицом в гимназии и во всей губернии. Помощник попечителя спросил меня о Петре Первом, я испытал тогда чувство забвения, чувство близости конца и бездны, сухой бездны, выложенной восторгом и отчаянием.

О Петре Великом я знал наизусть из книжки Пуцковича и стихов Пушкина. Я навзрыд сказал эти стихи, человечьи лица покатались вдруг в мои глаза и перемешались там, как карты из новой колоды. Они тасовались на дне моих глаз, и в эти мгновения, дрожа, выпрямляясь, торопясь, я кричал пушкинские строфы изо всех сил. Я кричал их долго, никто не прерывал безумного моего бормотанья. Сквозь багровую слепоту, сквозь свободу, овладевшую мною, я видел только старое, склоненное лицо Пятницкого с посеребренной бородой. Он не прерывал меня и только сказал Караваеву, радовавшемуся за меня и за Пушкина.

– Какая нация, – прошептал старик, – жидки ваши, в них дьявол сидит.

И когда я замолчал, он сказал:

– Хорошо, ступай, мой дружок...

Я вышел из класса в коридор и там, прислонившись к небеленой стене, стал просыпаться от судороги моих снов. Русские мальчики играли вокруг меня, гимназический колокол висел неподалеку под пролетом казенной лестницы, сторож дремал на продавленном стуле. Я смотрел на сторожа и просыпался. Дети подбирались ко мне со всех сторон. Они хотели шелкнуть меня или просто поиграть, но в коридоре показался вдруг Пятницкий. Миновав меня, он приостановился на мгновение, сюртук трудной медленной волной пошел по его спине. Я увидел смятение на просторной этой, мясистой барской спине и двинулся к старику.

– Дети, – сказал он гимназистам, – не трогайте этого мальчика, – и положил жирную, нежную руку на мое плечо.

– Дружок мой, – обернулся Пятницкий, – передай отцу, что ты принят в первый класс.

Пышная звезда блеснула у него на груди, ордена зазвенели у лацкана, большое черное мундирное его тело стало уходить на прямых ногах. Оно стиснуто было сумрачными стенами, оно двигалось в них, как движется барка в глубоком канале, и исчезло в дверях директорского кабинета. Маленький служитель понес ему чай с торжественным шумом, а я побежал домой, в лавку (с. 230–232).

В тот период, о котором идет речь в «Истории моей голубятни», в Николаеве жил Константин Александрович Пятницкий и так же, как герой рассказа Бабеля, служил в сфере образования. Известен точный адрес его проживания: «Б. Морская, 28» [Адрес-календарь..., 1903, с. 36, 140, 260]. Однако был Пятницкий не помощником попечителя, а инспектором народных училищ 5-го района Херсонской губернии, куда входил Николаев.

Поступление героя-повествователя в первый класс гимназии, а не коммерческого училища, и именно в 1905 г. усиливает драматическую коллизию, лежащую в основе сюжета. Видимо, по той же причине писатель вводит в рассказ фамилию реального человека, но заменяет его должность. Разыскать даты жизни Пятницкого и какие-либо более подробные сведения о нем пока не удалось. Насколько соответствует примерный возраст помощника попечителя в рассказе Бабеля возрасту реального Пятницкого в те годы, нам также неизвестно.

Имя Пятницкого несколько раз появляется на страницах посвященной еврейской жизни газеты «Восход» в связи с ситуацией в частных еврейских училищах и хедерах Николаева. Например, в заметке, опубликованной 15 августа 1903 г. приводится предписание Пятницкого, обязательное для исполнения в этих заведениях: «1) прием детей производить лишь один раз в году – в сентябре; 2) не вербовать учащихся *неблаговидными способами*, унижающими учреждение; 3) не принимать учащихся из других училищ, *без согласия* содержателей последних; 4) взимать плату, установленную с общего согласия всех содержателей училищ; 5) преподавание еврейских предметов вести по *однообразному* во всех училищах методу <...> 6) учебный год заканчивается к 15 июня» [Нениколаевец, 1903, стб. 33].

Примечательно окончание этой заметки: «К сожалению, носятся слухи, что г. Пятницкий уходит от нас. Жаль, человек этот искренно болел душой за все неурядицы, господствующие в постановке школьного дела в частных еврейских училищах и хедерах» [Там же]. Характеристика, данная здесь инспектору народных училищ, вызывает ассоциацию с сочувственным отношением к еврейскому мальчику помощника попечителя в рассказе Бабеля.

Пятницкий известен благодаря короткой переписке с А. П. Чеховым в апреле 1903 г., связанной с просьбой помочь с лечением в Ялте больному туберкулезом учителю сельской школы Павлу Кормичу. Сохранились и небольшие воспоминания Пятницкого о Чехове, написанные в Одессе 18 июля 1929 г. Можно предположить, что с какого-то времени Пятницкий жил в Одессе.

Письмо Чехова от 13 апреля 1903 г. было опубликовано в 1923 г. в альманахе «Литературная мысль» и вошло в полное собрание сочинений писателя, см.: [Чехов, 1982, с. 193]. Два письма Пятницкого хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Письмо от 9 апреля 1903 г. процитировано в комментарии к ответному письму Чехова [Там же, с. 507].

Воспоминания Пятницкого о Чехове состоят из краткого комментария к их переписке и записи рассказа его бывшего сослуживца о Чехове-гимназисте, который почти целиком приведен в статье О. А. Петровой [1976, с. 95].

И тем не менее из-за крайней скудости сведений о Пятницком представляется важным напечатать полностью все сохранившиеся тексты, связанные с ним и Чеховым.

<1>

К. А. Пятницкий – А. П. Чехову

Милостивый Государь Антон Петрович <sic>!

Я слышал, что Вы у себя в Ялте даете приют нуждающимся в климатическом лечении. Поэтому решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой помочь в этом больному учителю, Павлу Кормичу, вполне заслужившему трудом сочувствия своему безвыходному положению: человек еще молодой, способный, любящий свое дело, но серьезно болен и нуждается в климатическом лечении, средств он для этого не имеет.

Простите великодушно за смелость моего обращения к Вам.
С надеждой получить от Вас ответ имею честь быть готовым к услугам
Инспектор народных училищ

К. Пятницкий

9/IV 1903 г.

Г. Николаев Херсон<ской> г<убернии>²

<2>

А. П. Чехов – К. А. Пятницкому

13 апреля 1903 г.

Милостивый Государь!

В Ялте в настоящее время существуют две санатории: одна имени Александра III, другая «Яузлар» Благотворительного общества. В первой, насколько мне известно, берут по 35 р<ублей> в месяц, во второй по 50. Обе в течение лета бывают закрыты. Теперь, т. е. весною и летом, Ваш больной может находиться и дома (в Ялте жарко, пыльно), осенью же, когда начнется сезон, пусть приедет и обратится в Благотворительное общество, к доктору Альтшуллеру³, члену этого общества. С г. Альтшуллером я сегодня говорил. Если у Вашего больного не хватит средств, то, быть может, Благотворительное общество окажет ему поддержку.

Желаю Вам всего хорошего

А. Чехов

На конверте:

Николаев Херсонск<ой>

Его высокоблагородию г. К. Пятницкому

Инспектору народных училищ [Чехов, 1982, с. 193].

<3>

К. А. Пятницкий – А. П. Чехову

19 апреля 1903 г.

г. Николаев

Милостивый Государь Антон Петрович!

Считаю долгом выразить Вам сердечную благодарность за Ваше письмо и отзывчивость к моей просьбе о помощи больному учителю. Если он вынесет лето здесь, то непременно на осень отправится в Ялту и воспользуется Вашим любезным указанием.

² ОР РГБ. Ф. 331. К. 56. Ед. хр. 486. Л. 1. Полностью публикуется впервые.

³ Альтшуллер Исаак Наумович (1870–1943) – ялтинский врач, лечивший Чехова и Л. Н. Толстого.

Примите заверения в истинном моем к Вам глубоком уважении.
Взаимно желаю Вам всего лучшего

*К. Пятницкий*⁴

<4>

Воспоминания о Чехове

В бытность мою инспектором народных школ Херс<онского> уезда (Николаевского района) я обратился с официальным письмом к А. П. Чехову, жившему тогда в Ялте в своей лечебнице с доктором Альтшуллером, где просил принять на излечение от туберкулеза учителя Калиновской народной 2^хклассной школы Павла Кормича. Я получил от А. П. любезное письмо с выражением полной готовности помочь больному учителю (сельскому), но воспользоваться этой любезностью Кормич не успел, так как до августа, когда назначен был А. П. ему приезд в Ялту (на виноград) он не смог бороться с своей болезнью. Письмо А. П. переслано мною в Москву.

К. Пятницкий

18/VII 29
г. Одесса⁵

<5>

Из рассказов о Чехове

Один из моих первых сослуживцев по Екатеринославской женской гимназии И. Ф. Алдырев⁶ (естественник), товарищ А. П. Чехова по Таганрогской гимназии, рассказал мне 2 случая из ученической жизни А. П.

Оба случая связаны с личностью преподавателя математики⁷ в старших классах гимназии. Учитель был еще молод и увлекался своим предметом, а А. П. все-

⁴ ОР РГБ. Ф. 331. К. 56. Ед. хр. 486. Л. 3. Публикуется впервые.

⁵ ОР РГБ. Ф. 331. К. 104. Ед. хр. 40. Л. 1. Публикуется впервые.

⁶ Алдырев Иосиф Федорович (1855–?) – выпускник Таганрогской гимназии (1875), одноклассник Александра Павловича Чехова; см.: [Таганрог и Чеховы..., 2003, с. 682]. Известно, что «Иосиф Алдырев, как и Антон Чехов, был одним из 10 таганрожцев, которым от городской управы была назначена стипендия для получения высшего образования <...> стипендия назначалась не только выпускникам гимназии 1879 года <учреждена в 1879 г.>, но и студентам-таганрожцам» [Петрова, 1976, с. 96].

⁷ Преподавателем математики и физики в Таганрогской мужской гимназии в тот период был Юлий Федорович Маак (1834–?); см.: [Таганрог и Чеховы..., 2003, с. 697]. 16 сентября 1875 г. Александр Павлович Чехов писал из Москвы: «Мне Юлий Федорович Маак правду говорил, что университет – это второе Крещение. Он прав <...> я думаю, что у нас в гимназии не знают, что такое математика. У нас считают эту науку скучною» [Там же, с. 167]. «25 февраля 1879 года Александр просит Антона передать Мааку привет. С апреля 1880 года статский советник Ю. Ф. Маак состоял заслуженным преподавателем, “с окладом 1500 р. за 12 уроков”. 7 августа 1885 года Маак выехал из Таганрога к месту своего нового назначения – в Киев, инспектором реального училища» [Алферьева, 2016, с. 126–127]. «Таганрогский вестник» (№ 8, 9 августа) извещал своих читателей: «Юлий Федоро-

гда сидел на последней скамье и во время его объяснений читал книги. Однажды учитель, остановившись, сказал, обращаясь к А. П.: «Вы, Чехов, думаете, что преподавание математики – это легкое дело? Идите на мое место, а я сяду на ваше, и ведите урок!» А. П. встал, занял место на кафедре, а учитель сел на место А. П. Когда все успокоились, А. П., развертывая классный журнал, сказал: «Такой-то (назвал фамилию учителя), пожалуйста ответить к доске!» Это рассмешило класс и самого учителя, который с тех пор никогда не мешал А. П. читать на его уроке книги.

В другой раз А. П. сказал своим товарищам: я не позволю нашему учителю математики прерывать меня во время решения задачи на доске и вырывать у меня мел. Я вырву у него мел и буду продолжать задачу, так как я ее умею решать. Так и случилось: в увлечении учитель не обратил внимания на то, что А. П. вырвал у него мел, и через несколько минут вырвал мел из рук А. П., но, настаивая на своем, вырвал снова мел у преподавателя, так несколько раз мел переходил из рук в руки, пока наконец преподаватель не остановился, заметив эту процедуру. Конечно, все окончилось благополучно для А. П. А в то же время А. П. торжествовал в своей победе.

К. Пятницкий

18/VII 29 г.
Г. Одесса⁸

Список литературы

Адрес-календарь и справочная книжка Николаевского градоначальства на 1904 год. Николаев: Русская типолитография, 1903. 250 с.

Алферьева А. Г. Таганрогские впечатления: гимназия, учителя, соученики // Историко-культурный и символический облик провинции в творчестве А. П. Чехова. Ростов н/Д: Foundation, 2016. С. 108–176.

Бабель И. Э. Рассказы. М.: Гослитиздат, 1936. 318 с.

Вайскопф М. Я. Между огненных стен: книга об Исааке Бабеле. М.: Книжкини, 2017. 494 с.

Нениколаевец. Николаев [Заметка в рубрике «Корреспонденции и сообщения»] // Восход. 1903. № 33. 15 авг. Стб. 32–33.

Петрова О. А. К проблеме критической оценки документов и воспоминаний об А. П. Чехове // Творчество А. П. Чехова: Сб. ст. Ростов н/Д, 1976. С. 89–101.

вич прослужил в наших гимназиях ровно 11 лет и в течение этого времени приобрел заслуженную любовь и уважение как своих воспитанников, так и всех, знающих Ю. Ф. В лице последнего наши гимназии теряют <...> педагога, заслуга которого – гуманное и беспристрастное отношение ко всем своим ученикам. <...> проводы его на вокзал отличались особой торжественностью: масса публики, его товарищи-преподаватели, учащаяся молодежь и бывшие его ученики и ученицы, пришли засвидетельствовать любимому учителю искреннюю благодарность и уважение»; цит. по: [Алферьева, 2016, с. 127].

⁸ ОР РГБ. Ф. 331. К. 104. Ед. хр. 40. Л. 1 об. – 2 об.

Погорельская Е. И. Комментарий к рассказу И. Бабеля «История моей голубятни»: новые материалы к биографии писателя // Вопросы литературы. 2013. № 5. С. 149–165.

Таганрог и Чеховы: материалы к биографии А. П. Чехова. Таганрог: Лукоморье, 2003. 732 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1982. Т. 11: Письма: июль-декабрь 1903. 722 с.

Архивы

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

References

Adres-kalendar' i spravochnaya knizhka Nikolaevskogo gradonachal'stva na 1904 god [Address Book and Reference Book of the Nikolaev City Administration for 1904]. Nikolaev, Russkaya tipolitografiya, 1903, 250 p. (in Russ.)

Alferyeva A. G. Taganrogskie vpechatleniya: gimnaziya, uchitelya, soucheniki [Taganrog impressions: gymnasium, teachers, and classmates]. In: Istoriko-kul'turnyi i simvolicheskiy oblik provintsii v tvorchestve A. P. Chekhova [The historical, cultural, and symbolic image of the province in the works of A. P. Chekhov]. Rostov on Don, Foundation, 2016, pp. 108–176. (in Russ.)

Babel I. E. Rasskazy [Short stories]. Moscow, Goslitizdat, 1936, 318 p. (in Russ.)

Chekhov A. P. Complete Works and Letters. In 30 vols. Letters. In 12 vols. Moscow, Nauka, 1982, vol. 11: Letters: July-December 1903, 722 p. (in Russ.)

Nenikolaevets. Nikolaev [Zametka v rubrike «Korrespondencii i soobshcheniya». *Voskhod*, 1903, no 33, August 15, col. 32–33. (in Russ.)

Petrova O. A. K probleme kriticheskoi otsenki dokumentov i vospominanii ob A. P. Chekhove [On the Problem of Critical Evaluation of Documents and Memoirs about A. P. Chekhov]. In: Tvorchestvo A. P. Chekhova [A. P. Chekhov's creative work]. Rostov on Don, 1976, pp. 89–101. (in Russ.)

Pogorelskaia E. I. Kommentarii k rasskazu I. Babelya “Istoriya moei golubyatni”: novye materialy k biografii pisatelya [Commentary on I. Babel's Story “The Story of My Dovecote”: New Materials for the Writer's Biography]. *Voprosy literatury*, 2013, no. 5, pp. 149–165. (in Russ.)

Taganrog i Chekhovy: materialy k biografii A. P. Chekhova [Taganrog and the Chekhovs: Materials for the Biography of A. P. Chekhov]. Taganrog, Lukomor'e, 2003, 732 p. (in Russ.)

Vaiskopf M. Ya. Mezhdru ognennykh sten: kniga ob Isaake Babele [Between walls of fire. Book about Isaac Babel]. Moscow, Knizhniki Publ., 2017, 494 p. (in Russ.)

Archives

Отдел рукописей Россииской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Погорельская Е. И. «История моей голубятни» И. Бабея: новый комментарий

Информация об авторе

Елена Иосифовна Погорельская, кандидат филологических наук

Information about the Author

Elena I. Pogorelskaia, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 29.01.2026;
одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted on 29.01.2026;
approved after reviewing on 12.02.2026; accepted for publication on 12.02.2026*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-24-32

«Всё или ничего»: мотив бездействия в художественном мире Ю. Олеши

**Анна Андреевна Корниенко¹
Александр Иванович Куляпин²**

¹ Алтайский государственный медицинский университет
Барнаул, Россия

² Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия

¹ kornienkoanna2000@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3514-7625>

² iskander58@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Аннотация

В статье обосновывается важность мотива бездействия для поэтики и житнетворчества Ю. Олеши. Реальный мир для Олеши лишен значимости. Значимым становится мир внутренний, площадка для реализации нереализуемого. Неудивительно, что чудеса, творимые писателем и его героями в вакууме собственного мира, никак не соотносятся с реальностью. Погоня за совершенством безнадежна, она лишь усиливала комплекс неполноценности, и без того характерный для Олеши. Вездесущий максимализм, идеализм и желание сделать все и сразу негативно повлияли на его писательскую продуктивность. Олеша хватался сразу за несколько идей и редко воплощал их, перескакивая с сюжета на сюжет, с характера на характер. Многие герои Олеши, как и он сам, имеют характерное свойство – очень много обещать, но ничего не делать, потому что обещания эти нереализуемы в принципе. Парадоксальное отсутствие силы воли и пассивность героев Олеши можно объяснить максимализмом, вступающим в конфликт с невозможностью осуществить желаемое. Например, чудо-машина Офелия, якобы созданная героем романа «Зависть» (1927) Иваном Бабичевым, создана только в воображении, поскольку всемогущая универсальная машина не может существовать в реальности. Вывод Олеши: не можешь сделать все и сразу – не делай ничего.

Чтобы перебороть страх стать ничем, нужно стать всем. Главная героиня пьесы Олеши «Список благодеяний» (1931) вызывающе заявляет: «Я одна во всем мире, только я одна. Весь мир – это я». Для того чтобы достичь бессмертия и стать всем, желательно унести с собой в вечность не только свой внутренний мир, но и мир реальный, разрастись до масштабов вселенной и поглотить все, подобно черной дыре. В рассказе «Лиомпа» (1927) встречается подобная попытка в исполнении умирающего Пономарева, собравшегося «забрать с собой все». Олеша боится не существовать и называет искусство «заключением против силы уничтожения».

Ключевые слова

Ю. Олеша, мотив, сюжет, герой, конфликт, характер, психотип

© Корниенко А. А., Куляпин А. И. М., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 24–32

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 24–32

Для цитирования

Корниенко А. А., Куляпин А. И. «Всё или ничего»: мотив бездействия в художественном мире Ю. Олеши // Сюжетология и сюжетология. 2026. № 1. С. 24–32. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-24-32

“All or Nothing”: The Motif of Inaction in the Artistic World of Yu. Olesha

Anna A. Kornienko ¹, Alexander I. Kulyapin ²

¹ Altai State Medical University
Barnaul, Russian Federation

² Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation

¹ kornienkoanna2000@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-3514-7625>

² iskander58@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Abstract

The article substantiates the importance of the motif of inaction in Yuri Olesha's poetics and life work. The real world is meaningless to Olesha. The inner world becomes significant, a platform for realizing the unrealizable. It's not surprising that the miracles the writer and his characters perform in the vacuum of their own world bear no relation to reality. The pursuit of perfection is hopeless; it only exacerbates Olesha's already characteristic inferiority complex. His ubiquitous maximalism, idealism, and desire to do everything at once negatively impacted his writing. Olesha grasped at several ideas at once and rarely implemented them, jumping from plot to plot, from character to character. Many of Olesha's characters, like Olesha himself, share a characteristic trait: promising much but delivering nothing, because these promises are fundamentally unrealizable. The paradoxical lack of willpower and passivity of Olesha's characters can be explained by their maximalism, which conflicts with the impossibility of achieving their desires. For example, the miracle machine Ophelia, supposedly created by Ivan Babichev, the hero of the novel "Envy" (1927), is a figment of the imagination, as an omnipotent universal machine cannot exist in reality. Olesha concludes: if you can't do everything at once, do nothing.

To overcome the fear of becoming nothing, you must become everything. The protagonist of Olesha's play "List of Benefits" (1931) defiantly declares: "I'm the only one in the whole world, the only one. The whole world is me". To achieve immortality and become everything, it is desirable to carry into eternity not only your inner world but also the real world, expanding to the scale of the universe and consuming everything, like a black hole.

The story "Liompa" (1927) features a similar attempt by the dying Ponomarev, who intends to "take everything with him." Olesha fears nonexistence and calls art "a spell against the power of destruction."

Keywords

Yu. Olesha, motive, plot, hero, conflict, character, psychotype

For citation

Kornienko A. A., Kulyapin A. I. "All or Nothing": The Motif of Inaction in the Artistic World of Yu. Olesha. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 24–32. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-24-32

Реальный мир для Ю. Олеси, как и для профессора Авенариуса, героя романа Милана Кундеры «Бессмертие», лишен значимости. Значимым становится мир внутренний, служащий для реализации нереализуемого, детская площадка для создания всевозможных игр, в центре которых окажется бессмертный чудотворец. Оттого неудивительно, что чудеса, творимые им в вакууме собственного мира, никак не соотносятся с реальностью. Многие герои Ю. Олеси, как и он сам, имеют характерное свойство – очень много обещать, но ничего не делать, потому что обещания эти нереализуемы в принципе.

Погоня за совершенством безнадежна, она лишь усиливала комплекс неполноценности, и без того характерный для Олеси. Вездесущий максимализм, идеализм и желание сделать все и сразу негативно повлияли на продуктивность писателя. Он хватался сразу за несколько идей и редко воплощал их, перескакивая с сюжета на сюжет, с характера на характер. В один из черновых вариантов «Зависти», в котором повествование ведется от лица соседа Кавалерова, Олеша вводит симптоматичную автобиографическую деталь – «у героя не было написано ни одной страницы, хотя он сообщал, что пишет роман» [Комня, 2018, с. 172].

К. Хорни в книге «Самоанализ» описала случай некоей Клэр, столкнувшейся с проблемами, удивительно похожими на те, которые испытывают герои Олеси и он сам. Клэр «легко охватывала парализующая усталость, мешавшая работе и жизни в обществе. <...> Присущее ей честолюбивое стремление писать пьесы и рассказы наталкивалось на непреодолимые внутренние барьеры. <...> Ее навязчивое желание занимать скромное место противоречило навязчивому стремлению торжествовать над другими; честолюбивое желание превосходить других находилось в конфликте с паразитической зависимостью. Две эти наклонности неизбежно сталкивались, либо порождая тревогу, либо парализуя друг друга. Этот парализующий эффект, равно как и внутреннее сопротивление работе, оказался одним из самых глубоких источников ее усталости» [Хорни, 2002, с. 56, 64]. Узнаваемый психотип олешиного героя.

В своих воспоминаниях Олеша пишет:

Очевидно желание написать в один присест. Но ведь это невозможно. Как же быть?

Какое искусство делается в один присест? Никакое.

По существу, картина, уже законченная, носит характер сделанной в один присест. И статуя. Значит, идеально – они должны были бы делаться в один присест.

А почему мне хочется сделать в один присест? Боюсь, что будет скучно, если, не сделав в один присест, сяду завтра продолжать.

Нет, не страх скуки. Просто чувство, что если не сделал сразу, то и не надо (Олеша, 2015, с. 212).

Не лишним было бы добавить одно слово в цитату выше: «если не сделал *все* сразу, то и не надо». Козленков, герой рассказа «Пророк» (1929), подобно безумцу Вс. Гаршина из «Красного цветка», который готов умереть «как честный боец и как первый боец человечества, потому что до сих пор никто не осмеливался бороться разом со всем злом мира» (Гаршин, 2013, с. 289), хочет радикально избавить мир от горя: «Я видел человеческое горе. Нужно помочь всем людям сразу. Нужно немедленно сделать нечто такое, что уничтожило бы человеческое горе разом» (Олеша, 1974, с. 211). И, конечно, в этом радикализме Козленков отчасти

описан со своего создателя. В рассказе появляется сцена, параллели которой мы найдем в воспоминаниях Олеси:

И – самое главное – он видел: все головы пригнулись, все головы упали ниц. Конечно, он знал, что причина – сквозняк. Но он видел также, что никто не может поднять на него глаз. И оценить значение этого он мог как угодно. Он подумал: «Все упали передо мной ниц. Я иду. Я видел ангела. Я пророк. Я должен сделать чудо» (Олеша, 1974, с. 212).

Сравним:

Когда я входил в костел, я видел стоявшие вдоль стен на высоте второго этажа статуи ангелов – почти детей, во всяком случае, не старше меня, в легких хитонах, сквозь которые просвечивали их тела. По мере моего продвижения вперед, к алтарю, образовывались ракурсы, в результате которых ангелы один за другим все более и более отворачивались от меня, а последний уже, казалось, уткнулся в стенку и плачет, скорбя обо мне, но не имея права простить меня (Олеша, 2015, с. 77).

Перед Козленковым мнимо склоняются люди, а от Олеси отворачиваются ангелы. Самопровозглашенный пророк отвергнут богом, но все еще верит в поклонение людей и жаждет его.

В конечном счете чудотворец Козленков сдается, так и не совершив ни одного чуда: «– Я не могу, – вздохнул он. – Зачем послали мне ангела?» (Олеша, 1974, с. 213).

Олеша, конечно, в чудо, творимое человеческими руками в мире, лишенном чудес, не верил. Даже «роман для детей» «Три толстяка» (1928) он начал минорно: «Время волшебников прошло» (Олеша, 1974, с. 97). Учитывая это, концовка рассказа «Пророк» предсказуема. Однако другие примеры паралича воли его героев заставляют задуматься об их невозможности совершить не только масштабное чудо, но и, казалось бы, простое действие, требующее хотя бы совсем крошечной решимости.

Николай Кавалеров в «Заговоре чувств» (1929), пьесе, созданной на основе романа «Зависть» (1927), избран группой представителей «старого мира» под предводительством Ивана Бабичева для великой миссии – убийства Андрея Бабичева, в чьем лице заговорщики чувств видят все зло и опасность, которую несет новая эпоха. Однако убийство срывается:

Кавалеров уронил бритву, оглянулся, делает попытку поднять, не может, садится на ступеньку.

К а в а л е р о в. Что ж... теперь и я прошу минутку внимания... Андрей Петрович, я поднял на вас руку... и не могу... судите меня... накажите... выколите мне глаза... я хочу быть слепым... Я должен быть слепым, чтобы не видеть вас... вашего праздника... вашего мира... (Олеша, 1968, с. 89).

Ранее двойник Кавалерова, неназванный «молодой человек», так же подстрекаемый Иваном, не решается на убийство мужа своей любовницы. Муж же, человек в возрасте, наоборот, полон решимости: «Разойдитесь... Где он?.. (Поднимается по лестнице.) Где голубок? (Стучит в дверь, откуда вышел молодой человек.) Сволочь! Сволочь! Открой! Сломаю! Открой! Не прячься. Убью там с ней» (Олеша, 1968, с. 38).

В недописанной Олешей пьесе «Нищий, или Смерть Занда» появляется еще один герой, так и не решившийся на убийство. В первой версии пьесы коммунист и идейный строитель нового мира, Модест Занд, которого родные неслучайно называют уменьшительным Досей, является бывшим мужем ушедшей к любовнику Маши. Занд изначально не признает существования любви, называя ее «легкой промышленностью» (Олеша, 1993, с. 159), но в конце концов, потрясенный уходом жены, теряет всякую силу для работы. Бессилие это, правда, связано не с утратой любви, а с животным желанием обладать Машей.

В начале пьесы Олеша представляет нам еще одно действующее лицо – Федора Мицкевича, лишившегося работы из-за чистки, проводимой Зандом. Философия Федора во многом созвучна философии Ивана Бабичева. Будучи отныне идейным нищим, он просачивается в личную драму Модеста и объясняет его неспособность убить любовника Маши тем, что над коммунистом преобладает разум, в то время как его животная способность убивать тщательно подавляется. Таким образом, он провозглашает себя двойником Занда, его решительной стороной, которая отныне может действовать от его имени. Этот вариант пьесы убийством все же не заканчивается. Олеша, по всей видимости, его забраковал и перескочил на другой, в котором уже сам Модест Занд, прикрываясь писательским статусом, ищет материал для пьесы, выведывает подробности убийства на почве ревности у семьи, глава которой действительно попытался убить мужа любовницы. И это убийство, опять же, не состоялось – револьвер промахивается, и пуля попадает в шею, не задев позвоночник, – как не состоится в итоге и убийство, планируемое Зандом, поскольку пьеса обрывается.

Неизвестно, какой финал придумал бы Олеша, но, по всей видимости, пьесе и не суждено было стать оконченной. Для убийства действительно нужна животная решимость, противоречащая всему человеческому, и Олеша, убедив себя в этом, опускает руки даже перед убийством художественным. Николай Кавалеров в романе «Зависть» «склонен к мечтательности, отвлеченному теоретизированию и “литературности” при абсолютной неспособности к какой-либо реальной деятельности» [Касаткина, 2015, с. 35]. Он надеется войти в пантеон славы Геростратом XX века: «Ах, это тот, что жил в знаменитое время, всех ненавидел и всем завидовал, хвастал, заносился, был томим великими планами, хотел многое сделать и ничего не делал – и кончил тем, что совершил отвратительное, гнусное преступление...» (Олеша, 1974, с. 26). Но и преступление герою совершить не дано. Несмотря на брошенную в гнев угрозу расправы над Андреем Бабичевым, Кавалеров даже не берет с собой на футбольный матч бритву, которую выронит позже в пьесе «Заговор чувств». Олеша избавляет читателя от напряжения, отбирая у бессильного Кавалерова возможное орудие убийства. Вдобавок ко всему, он оказывается бессильным даже для того, чтобы пнуть прилетевший к его ногам мяч обратно на поле:

Вдруг мяч, выброшенный чьим-то мощным и нерассчитанным ударом, взлетел высоко и вбок за поле, из игры, в сторону Кавалерова, просвистел над пригнувшимися головами нижних рядов, остановился на мгновение и, завертевшись всеми своими пластинками, рухнул на доски, к ногам Кавалерова. Игра остановилась. Игроки застыли, застигнутые неожиданностью. <...>

Он ухмыльнулся, сторона ногу от мяча, который, потеряв опору, с кошачьей привязанностью вновь ткнулся в его каблук.

– Ну! – недовольно и удивленно крикнул Бабичев.

Кавалеров был пассивен. Две белые большие ладони протянулись за мячом. Кто-то поднял мяч и передал Бабичеву. <...>

Бабичев, сильно качнувшись вперед, швырнул мяч, магически расковав поле (Олеша, 1974, с. 86–87).

Парадоксальное отсутствие силы воли и пассивность героев Олеши, однако, вполне можно объяснить все тем же максимализмом, вступающим в конфликт с невозможностью осуществить желаемое. Вспомним, например, о чудо-машине Офелии, созданной Иваном Бабичевым. Вернее, созданной внутри Ивана Бабичева, поскольку всемогущая универсальная машина не может существовать в реальности. Если бы Олеша написал своих героев в XXI в., ни один компьютер не удовлетворил бы Бабичева. Вот и вывод: не можешь сделать все и сразу – не делай ничего. Так в чем же причина такого неистового желания получить и сделать все? На самом деле, и этому есть объяснение.

В дневниках Олеши замечаем: «Очевидно, существование других культур, из которых многие уже погибли, обесценивает меня. <...> Я не хочу чувствовать себя уходящим, временным, я – один, я – вечный, я, только я! <...> Мне страшно. Я перестаю существовать! Я ничто!» (Олеша, 2015, с. 213–214). Чтобы перебороть страх стать ничем, нужно стать всем. Главная героиня пьесы «Список благоденствий» вызывающе заявляет: «Я одна во всем мире, только я одна. Весь мир – это я» [Гудкова, 2002, с. 202]. По точному наблюдению Н. Я. Берковского, у Олеши, как у и французских импрессионистов, «вселенная без изъятий вселена в познающее “я”» [Берковский, 1989, с. 276].

Олеше мало быть просто писателем, ему нужно стать бессмертным писателем. Лев Славин вспоминает фразу, произнесенную Олешей:

– Я ведь не такой, как другие. Я ведь устроен иначе, – говорил Олеша полушутя. Но под этой шуткой жила вера в свое бессмертие. Физическое!

Это привилегия и признак молодости – не верить в свою смерть. Олеше тогда шел седьмой десяток [Воспоминания о Юрии Олеше, 1975, с. 21].

Лев Никулин же пишет о другом случае:

Ресторан в той же «Лондонской» гостинице. Олеша высовывается из окна и делает знак старику – продавцу папирос.

– Дадим заработать старику. Пачку «Казбека».

Старик долго глядит в окна и наконец кричит:

– Откуда вы выглядываете?

– Я выглядываю из вечности, старик! [Там же, с. 71].

Для того чтобы достичь бессмертия и стать всем, желательно унести с собой в вечность не только свой внутренний мир, но и мир реальный, разрастись до масштабов вселенной и поглотить все, подобно черной дыре. В рассказе «Лиомпа» (1927) встречается подобная попытка в исполнении умирающего Пономарева, замечающего, что вещи¹ с возрастом его покидают:

¹ Подробнее о вещном мире в рассказе Ю. Олеши «Лиомпа» см. статью П. В. Маркиной «К поэтике рассказа Ю. К. Олеши “Лиомпа”» [2007].

– Слушай, – позвал ребенка больной, – слушай... Ты знаешь, когда я умру, ничего не останется. Ни двора, ни дерева, ни папы, ни мамы. Я заберу с собой все (Олеша, 1974, с. 193).

И сам Олеша высказывается подобным образом:

Я и на мебель не могу смотреть, думая, что она в первую же минуту моего несуществования будет стоять так же, даже не вздрогнув. (Ох, эта зависть, эта злоба к внешнему миру!) (Олеша, 2015, с. 103).

Интересно, что именно мебель, движимое и совсем не вечное имущество, вызывает у Олеша парадоксальную ненависть и ужас, которые он передает и Кавалерову, ненавидящему лакированные углы, которые еще и кусаются:

Меня не любят вещи. Мебель норovit подставить мне ножку. Какой-то лакированный угол однажды буквально укусил меня. <...> Если какая-нибудь дрянь – монета или запонка – падает со стола, то обычно закатывается она под трудно отодвигаемую мебель. Я ползаю по полу и, поднимая голову, вижу, как буфет смеется (Олеша, 1974, с. 14).

Олеша боится не существовать и называет искусство «заключением против силы уничтожения» (Олеша, 2015, с. 213). Как будто споря с собой, он дает Болеславскому в пьесе «Нищий, или Смерть Занда» следующую реплику: «Я не боюсь смерти. Умереть – значит не быть. Разве страшно не быть? Ведь уже было время, когда меня не было?» (Олеша, 1993, с. 159).

Очевидно, что не быть для Олеша все-таки страшно. Все, что было до его жизни, обесценивает его, все, что будет после – вызывает зависть. Смерть для Олеша означает потерю единственного мира, не лишённого для него значимости. Желание стать если и не бессмертным писателем, выглядывающим из вечности, то хотя бы конкурентом ненавистного лакированного шкафа, который, в понимании писателя, обязан назло ему пережить апокалипсис, противоречит человеческим возможностям и силе, оттого она и уступает место тотальному бессилию и безволию.

Список литературы

Берковский Н. Я. О прозаиках // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. С. 269–285.

Воспоминания о Юрии Олеше. М.: Сов. писатель, 1975. 304 с.

Гудкова В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодетелей». М.: НЛО, 2002. 608 с.

Касаткина К. В. Николай Кавалеров как представитель типа «подпольного человека» в русской литературе // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 3. С. 30–36.

Комия М. Автобиографический миф в романе Ю. К. Олеша «Зависть» // Studia Litterarum. 2018. Т. 3, № 3. С. 162–175.

Маркина П. В. К поэтике рассказа Ю. К. Олеша «Лиомпа» // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 4 (7). С. 107–111.

Хорни К. Самоанализ. СПб.: Питер, 2002. 224 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Гаршин В. С. Красный цветок: Рассказы и повести. СПб.: Лениздат, 2013. 416 с.
Олеши Ю. К. Пьесы. Статьи о театре и драматургии. М.: Искусство, 1968. 388 с., ил.
Олеши Ю. Избранное. М.: Худож. лит., 1974. 576 с.
Олеши Ю. К. Смерть Занда // Театр. 1993. № 1. С. 149–191.
Олеши Ю. К. Книга прощания. М.: ПРОЗАиК, 2015. 493 с.

References

- Berkovskiy N. Ya. O prozaikakh [On prose writers]. In: Berkovskiy N. Ya. Mir, sozdavayemi literaturoi [The world created by literature]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1989, pp. 269–285. (in Russ.)
Gudkova V. Yuriy Olesha i Vsevolod Meyerhol'd v rabote nad spektaklem “Spisok blagodeyaniy” [Yuri Olesha and Vsevolod Meyerhold in their work on the play “The List of Benefits”]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 608 p. (in Russ.)
Kasatkina K. V. Nikolay Kavalerov kak predstavitel' tipa “podpol'nogo cheloveka” v russkoi literature [Nikolay Kavalerov as a representative of the “underground man” type in Russian literature]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies, Journalism]*. 2015, no. 3, pp. 30–36. (in Russ.)
Khorni K. Samoanaliz [Introspection]. St. Petersburg, Piter, 2002, 224 p. (in Russ.)
Komiya M. Avtobiograficheskiy mif v romane Yu. K. Oleshi “Zavist” [The autobiographical myth in Yu. K. Olesha's novel “Envy”]. *Studia Litterarum*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 162–175. (in Russ.)
Markina P. V. K poetike rasskaza Yu. K. Oleshi “Liompa” [On the poetics of Yu. K. Olesha's short story “Liompa”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The World of Science, Culture, Education]*, 2007, no. 4 (7), pp. 107–111. (in Russ.)
Vospominaniya o Yurii Oleshe [Memoirs of Yuri Olesha.]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1975, 304 p. (in Russ.)

List of Sources

- Garshin Vs. Krasnyi tsvetok: Rasskazy i povesti [The Red Flower: Stories and Novellas]. St. Petersburg, Lenizdat, 2013, 416 p. (in Russ.)
Olesha Yu. K. P'esy. Stat'i o teatre i dramaturgii [Plays. Articles about theater and drama]. Moscow, Iskusstvo, 1968, 388 p., il. (in Russ.)
Olesha Yu. Izbrannoe [Favorites]. Moscow, Khudozh. lit., 1974, 576 p. (in Russ.)
Olesha Yu. K. Smert' Zanda [The Death of Sand]. *Teatr [Theater]*, 1993, no. 1, pp. 149–191. (in Russ.)
Olesha Yu. K. Kniga proshchaniya [The book of farewell]. Moscow, PROZAIK, 2015, 493 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Анна Андреевна Корниенко, преподаватель

Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Anna A. Kornienko, Lecturer

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 19.02.2026;
одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 24.02.2026
The article was submitted on 19.02.2026;
approved after reviewing on 24.02.2026; accepted for publication on 24.02.2026*

Научная статья

УДК 82-1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-33-46

Большие и малые трагедии: как сюжет романа Теодора Драйзера «Американская трагедия» отразился в рассказе Николая Тихонова «Шутники»

Борис Вадимович Соколов

Издательство «Вече»

Москва, Россия

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация

Статья посвящена влиянию сюжетов романов Т. Драйзера «Американская трагедия» и «Сестра Керри» на рассказ Н. С. Тихонова «Шутники». Оба эти романа были упомянуты в телеграмме, посланной Тихоновым в Америку после смерти Драйзера. Показано, что в сюжете «Шутников» происходит сознательное снижение трагичности по сравнению с американскими источниками. Там, где у Драйзера героиня точно гибнет, у Тихонова гибель лишь предполагается. Там, где у Драйзера герой наказывается электрическим стулом, у Тихонова наказывается даже не герой, а вещь – пароход. В свою очередь, Тихонов показывает, что запечатленное в очерке Дж. Лондона Большое землетрясение в Сан-Франциско, произошедшее в том же году, что описанная в «Американской трагедии» история, по своему масштабу была несоизмерима с преступлением Клайда Гриффита. Снижение у Тихонова трагедии человека до трагедии вещи – это скрытая сатира на советское общество, где вещи часто были важнее людей. Также мотив побега с любимым человеком, характерный для «Сестры Керри», в рассказе Тихонова используется для осложнения сюжета и внесения неопределенности в судьбу героини. В его «Шутниках» отразились пьесы А. Н. Островского «Шутники» и «Бесприданница», в которых есть сюжетная перекличка с романами Драйзера, прежде всего мотив бессилия бедных людей в мире больших денег. Тихонову же из-за цензуры приходилось социальное заменять личностным, и поэтому в тихоновских «Шутниках» главный социальный мотив реального преступления Клайда Гриффита – стремление войти в мир больших денег, по необходимости подменяется личностным мотивом вероятного преступления Одинцова – ревностью. Прием подмены подлинной трагедии мнимой, развитый в «Шутниках», используется Тихоновым также в рассказе «Вечный транзит». А в «Рассказе о Щорсе», навеянном фильмом А. П. Довженко «Щорс», скрыто пародируется официальный советский оптимизм в контексте грядущей гибели Н. А. Щорса.

Ключевые слова

сюжет, мотив, сатира, Т. Драйзер, «Американская трагедия», «Сестра Керри», Дж. Лондон, «История очевидца», Н. С. Тихонов, «Шутники» (рассказ), «Вечный Тран-

© Соколов Б. В., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 33–46
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 33–46

зит», «Рассказ о Щорсе», «Рассказ о Буденном», А. Н. Островский, «Шутники» (пьеса), «Бесприданница, А. П. Довженко, «Щорс»

Для цитирования

Соколов Б. В. Большие и малые трагедии: как сюжет романа Теодора Драйзера «Американская трагедия» отразился в рассказе Николая Тихонова «Шутники» // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 33–46. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-33-46

Great and Small Tragedies: How the Plot of Theodore Dreiser’s Novel “An American Tragedy” Was Reflected in Nikolai Tikhonov’s Short Story “Jokers”

Boris V. Sokolov

Publishing house “Veche”
Moscow, Russian Federation

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract

The article is devoted to the influence of the plots of T. Dreiser’s novels “An American Tragedy” and “Sister Carrie” on N. S. Tikhonov’s short story “Jokers”. These two novels were mentioned in the telegram which was sent to America by Tikhonov after Dreiser’s death. It is shown that in the plot of “Jokers” there is a conscious decrease in tragedy compared to American sources. Where Dreiser’s female character is definitely killed, Tikhonov’s female character is only probably killed. Where Dreiser’s hero is executed by electric chair, Tikhonov punishes not his hero, but a thing – a steamer. In turn, Tikhonov contrasts the scale of the 1906 San Francisco earthquake (also reflected in the essay “The Story of an Eyewitness” by J. London and occurring in the same year as Dreiser’s tragic narrative) with the crime of Clyde Griffith, highlighting the former’s immensity in comparison. Tikhonov’s reduction of the tragedy of a person to the tragedy of a thing is a hidden satire on Soviet society where things were often more important than people. Also, the motif of running away with a loved one, characteristic of “Sister Carrie”, is used in Tikhonov’s story to complicate the plot and introduce uncertainty into the fate of the female character. His “Jokers” also echoed the plays “Jokers” and “Penniless” by A. N. Ostrovsky, which share plot elements with Dreiser’s novels, particularly in the theme of the powerlessness of the poor in a world of big money. However, due to censorship, Tikhonov shifts the focus from the social to the personal. Consequently, the primary social motive behind Clyde Griffith’s crime in Dreiser – the desire to enter the world of big money – is necessarily replaced by the personal motive of Odintsov’s probable crime – jealousy.

The technique of substituting a genuine tragedy for an imaginary one, developed in “The Jokers,” is also used by Tikhonov in the story “Eternal Transit”. And in the “Story of Shchors”, inspired by A. P. Dovzhenko’s film “Shchors,” official Soviet optimism is covertly parodied in the context of the impending death of N. A. Shchors.

Keywords

plot, motive, satire, T. Dreiser, “An American Tragedy”, “Sister Carrie”, J. London, “The Story of an Eyewitness”, N. S. Tikhonov, “Jokers” (short story), “Eternal Transit”, “The Story of Shchors”, “The Story of Budyonny”, A. N. Ostrovsky, “Jokers” (play), “Penniless”, A. P. Dovzhenko, “Shchors”

For citation

Sokolov B. V. Great and Small Tragedies: How the Plot of Theodore Dreiser's Novel "An American Tragedy" Was Reflected in Nikolai Tikhonov's Short Story "Jokers". *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 33–46. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-33-46

Теодор Драйзер начиная со второй половины 1920-х гг. был одним из наиболее популярных американских писателей в Советском Союзе. Первые переводы произведений Драйзера на русский язык были опубликованы только в 1925 г., после издания в США его самого известного романа «Американская трагедия» ("An American Tragedy"). Но уже в 1927 г. писатель, придерживавшийся левых взглядов, приехал в Москву на празднование 10-летия Октябрьской революции и путешествовал по СССР на протяжении 77 дней, с 4 ноября 1927 г. по 13 января 1928 г. И в 1928 г. в СССР начали издавать собрание сочинений Драйзера. В вышедшем в 1928 г. 6-м томе была опубликована «Американская трагедия» в переводе З. А. Вершининой (Драйзер, 1928).

Среди других советских городов Драйзер посетил и Ленинград, где он находился с 26 ноября по 2 декабря 1927 г. Но неизвестно, встречался ли он с Тихоновым. Фамилии Тихонова нет ни в дневнике путешествия Драйзера по СССР (Драйзер, 2018), ни в отчете о поездке в Ленинград сопровождавшего Драйзера уполномоченного ВОКС С. П. Триваса [Панова, Попова, 2023]. Это и неудивительно. Драйзера в СССР принимали сторонники «левого» искусства, в том числе Владимир Маяковский, к которым Тихонов, безусловно, не принадлежал. Однако Тихонов по крайней мере однажды публично высказался о Драйзере. В связи со смертью писателя, последовавшей 28 декабря 1945 г., Тихонов как председатель Союза советских писателей, направил телеграмму председателю Национального совета Американско-советской дружбы Корлиссу Ламонту следующего содержания:

Глубоко потрясены известием о смерти Теодора Драйзера. Творчество этого выдающегося писателя пользуется заслуженной популярностью в самых широких кругах советских читателей. Его «Американская трагедия», «Сестра Керри» и другие произведения принадлежат к любимым книгам в Советском Союзе. Все его творчество проникнуто чувством неразрывной связи с жизнью, глубокой любви к народу. Его смерть – тяжелая утрата для мировой литературы. В лице Драйзера сошел в могилу не только крупный художник слова, но и передовой общественный деятель, давний друг Советского Союза, борец против фашизма и всех видов реакции. Советские писатели сохраняют благодарную память о нем (Тихонов, 1946).

Здесь вместе с неизбежными официальными штампами, вроде «передовой общественный деятель», проглядывает искреннее восхищение Тихонова Драйзером. И романы «Американская трагедия» и «Сестра Керри» ("Sister Carrie") (1900) упомянуты писателем неслучайно, так как оба эти романа существенно повлияли на творчество Тихонова и прежде всего на сюжет его рассказа «Шутники». Этот рассказ был впервые опубликован в № 3 ленинградского журнала «Звезда» за 1930 г. Поскольку влияние выражено только на уровне сюжета, невозможно определить, читал ли Тихонов, хорошо знавший английский язык, английские оригиналы романов Драйзера или их русские переводы. Роман «Сестра Керри» был переведен на русский язык в 1927 г. (Драйзер, 1927).

В рассказе «Шутники» образ самого Тихонова разделен на автора-рассказчика и на упоминаемого персонажа – литератора, склонного «к заимствованию образцов из военного словаря» и утверждающего: «Винтовка кавалерийского образца со штыком <...> – вот высота среднего героя нашего времени. Танк и трактор – это война и мир нашей эпохи, но без специалистов, преданных своему делу, они оба недействительны. Кроме того, есть уже товарищи, зачитывающиеся Шлиффеном, Триандафиловым, Фуллером, Тухачевским...» (Тихонов, 1985, с. 141)¹.

Эта характеристика увлекающегося военным делом писателя полностью совпадает с той, которую дал Тихонову его друг Константин Федин, отмечавший, что Тихонов как никто другой был верен одной избранной теме – теме войны:

...уже в «Орде» вспыхнул воинский дух, который горит затем во всякой строке, написанной Тихоновым. «Орда» была итогом войны, высказанным на языке поэтическом, и притом – языке революционном. Воинственность была новым качеством этих стихов. Странное и редкое для былой русской традиции родство фронтового оружия с оружием поэтическим устанавливал Тихонов, братство боя с поэзией. <...> Тихонов как бы не переносит мирного времени. Когда окончилась гражданская война и он начал следить за тем, как рассеивались и словно исчезали в толпе гражданских одеяний привычные военные шинели, на его лице отразилось огорчение. Романтический герой, собранный в пластичный образ войны, как будто отходил в прошлое. Тихонов не мог примириться с этим грустным расставанием. Он был уверен, что под бесчисленными новыми обличьями и ликами мирных будней живет и набирается силы его добрый знакомый и боевой товарищ – умный полководец, неутомимый солдат либо просто лихая голова – рубака и смельчак. <...> Тихонов – военный писатель во всех отношениях – по свойству возвышенного и прямодушного стиха, по характеру мышления, бесстрашного и предприимчивого, по привязанности к воинскому оружию, по пониманию военного искусства [Федин, 1977, с. 153–155].

Автор-рассказчик тоже является писателем, который возвращается домой после «затянувшейся дружеской беседы» о литературе, причем участники беседы приводили примеры «сюжетных повестей, несмотря на сложную литературную выдумку, казавшихся сухой схемой по сравнению с жизнью» (с. 140). Возможно, имеется в виду собрание литературной группы «Серапионовы братья», членом которой был Тихонов. Рассказчика роднит с Тихоновым, в частности, нежелание писать песни: «Нет, песен не пишу, – ответил я» (с. 152). В то же время из текста рассказа следует, что рассказчик – поэт, так как его знакомый, милиционер Ермолаев, «приписывал моим стихам качества невероятные» (с. 150). А Тихонов был единственным поэтом среди «Серапионов».

Рассказчик, возвращаясь домой, начинает придумывать биографию героя будущего произведения. На собрании, с которого он возвращается, «человек, много путешествовавший» (с. 140) (возможный намек на еще одного «Серапиона» – Николая Никитина, бывавшего на Западе), вспоминает о разрушительном землетрясении в Сан-Франциско 18 апреля 1906 г., когда погибло 3 000 человек, землетрясением и последующим пожаром было разрушено 80 % домов и более 200 тыс. человек лишились жилья. При этом приводится текст телеграммы, которую будто бы послали в горящий город «американские легконогие репортеры», не рискнувшие войти в охваченный пламенем город и расположившиеся на соседних хол-

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

мах: «Сообщите срочно имена героев», и ответ единственного оставшегося в городе телеграфиста: «Героев нет, все слишком заняты» (с. 140). Здесь не только сквозная для творчества Тихонова тема «поиска героя», но и полемика с Джеком Лондоном, который в репортаже о последствиях землетрясения «Рассказ очевидца» утверждал: «Перечислением героических поступков можно было бы заполнить целую библиотеку и обанкротить фонд медали Карнеги» (London, 1906). Тихонов же настаивает, что речь должна идти об обыденной работе, хотя это как бы вывернутый наизнанку тезис Джека Лондона о бесчисленном количестве героев, и в его адрес также могли быть сказаны слова об «американских легконогих репортерах». Но в эпизоде с землетрясением в Сан-Франциско есть и определенные переклички с «Американской трагедией» Драйзера. Хорошо известно, что сюжетом романа послужило убийство Честером Джилеттом своей девушки Грейс Браун, которое произошло в том же году, что и землетрясение в Сан-Франциско.

Тихоновский рассказчик начинает придумывать биографию встреченного на ночной ленинградской улице незнакомца: «Служит он на Октябрьском вокзале, вероятно, официантом. Нет, – решил я, – еще трудней, кухонным уборщиком, моет посуду в буфете» (с. 140). Здесь прямой намек на главного героя «Американской трагедии» Клайда Гриффитса, который начал свою трудовую жизнь с того, что был помощником продавца содовой воды в аптекарском магазине, и в его обязанность входило мыть и чистить сифоны и всю посуду на стойке, где продавали содовую. В данном случае Драйзер наделил Гриффитса эпизодом из собственной биографии, так как писатель начал свою трудовую биографию с того, что убирал и мыл посуду в ресторане в Чикаго. Разница же между Драйзером и его героем состоит в том, что Драйзер всю жизнь боролся против мира больших денег, а Гриффитс, наоборот, стремится стать частью этого мира. Однако в рассказе Тихонова к образу Гриффитса восходит не «спутник номер два», которому рассказчик пытается придумать биографию, не совпадающую с реальной, а совсем другой человек. «Спутник номер два» оказывается племянником мостового сторожа Республиканского (более известен как Дворцовый, название «Республиканский» носил в 1918–1944 гг.) моста Тимофея Матвеевича, электромонтер по профессии. Гриффитс же послужил прототипом для антипода племянника – лоцмана Одинцова, который оказывается в центре истории, повторяющей сюжет «Американской трагедии». Вот как эту историю излагает автору Тимофей Матвеевич:

Случилось ему <племяннику. – Б. С.> попасть на глаза одной девочке. Есть такие, знаете, самая она тебе красивая и самая она тебе несчастная. И шелк, и канат вместе. Совпадение умов у них сразу случилось, и купаться они пошли вместе. В лодке катаются, гуляют еще немного и то же самое все чаще, но уже с установкой на полную семейную жизнь.

Тут появляется на их горизонте, где как будто полное счастье, появляется около них лоцман из порта, тоже парень с жилетом, жетоны за стрельбу и за плаванье. В общем и целом, птица-лебедь. Подплывает к нашим миленьким, и куда они, туда он, куда они, туда он. И нет им спасения от него. Происходит самое нежелательное (с. 154).

Далее происходит драка между племянником и лоцманом, после которой и случается «загадочное происшествие», основанное на сюжете «Американской трагедии». В изложении Тимофея Матвеевича она выглядит так:

Мой племянник уезжает, берет отпуск по делу к брату, в Череповец, а девицу оставляет в полном испуге перед лоцманом. Так она его пугалась, что по фамилии – зовут Одинцов – не называла, говорила: он. Тут уезжает племян в полной убежденности и возвращается вовремя, в самый срок, а девицы нет. Было после следствие, и, может, оно так и было, как следствие установило, а может, и не так. Кто хочет – сомневайся. Одинцов показывал: приходит к нему та девица вся в слезах и признает будто бы, что его одного обожает, а моего племянша знать не хочет. Записку ему оставляет. Верно, оставила. В той записке стоит: «Ухожу, до свидания, не жди меня сегодня и завтра». Ну, толкуй записку как хочешь. Одинцов все свое сердце, конечно, говорит, выказал. Утешает ее, и идут они гулять в парк, а оттуда на взморье, на лодке, и что они на лодке делали, неизвестно, но через короткий срок лодка опрокинулась, парусная она была. Одинцов подробно объяснил по-морскому, в чем дело, – вина девицы была, не туда села, что-то сделала не то, лодка опрокинулась, а девица никогда плавать не училась. А его лодкой ушибло, и он успеть не мог помочь, едва сам уцелел. Искали, искали ее и не нашли. Одним словом, ее нет и нет, и все тут (с. 154–155).

Не исключено, что фамилию Одинцов обладателю морской профессии лоцмана Тихонов дал в честь русских адмиралов – контр-адмирала Евстафия Степановича Одинцова (1740–1795) и вице-адмирала Ивана Максимовича Одинцова (1740–1802). Последний, в частности, был управляющим штурманской ротой Морского кадетского корпуса, и Тихонов, который, предположительно, учился в Морском кадетском корпусе, мог видеть там его портрет.

Происшествие с неназванной девицей, в которую влюбились племянник и Одинцов, практически полностью совпадает с тем происшествием, которое Клайд Гриффитс подстроил, чтобы утопить Роберту Олден и представить происшедшее как несчастный случай. У Тихонова Одинцов действует практически так же, как герой «Американской трагедии», и наиболее вероятной версией остается та, что Одинцов намеренно утопил безымянную девицу и не пытался ее спасти, хотя, как подчеркивается в рассказе, отлично плавал (имел «жетоны» – разрядные значки за плаванье). Хотя сам Одинцов, как и герой Драйзера, отстаивает версию о несчастном случае и, в отличие от Гриффитса, к суду не привлекается. Зато версию о преднамеренном убийстве, по свидетельству дяди, допускает племянник: «<...> а может быть, он ее убил по несогласию» (с. 155). Тимофей Матвеевич замечает: «Допустим, Одинцов нераскрытый преступник. Задушил, скажем, или утопил нарочно, чтобы она ни ему, ни племяншу не досталась. Значит – насилие, и закон, если это докажет, покарает» (с. 157).

У Драйзера мотив реально случившегося преступления – это устранение беременной любовницы как препятствия к браку с богатой невестой, который должен обеспечить Клайду Гриффитсу вхождение в мир больших денег. У Тихонова подобный мотив возможного преступления исключается, поскольку в СССР мира больших денег просто нет, а, например, похожий по сути сюжет с убийством любовницы для устранения препятствия к браку, открывающему герою путь в ряды партийно-советской номенклатуры, был цензурно совершенно неприемлем. Поэтому оставался единственный серьезный мотив: ревность – «Так не доставайся ж ты никому!», как в «Бесприданнице» (1878) Александра Островского (1975, с. 81). Само же название рассказа Тихонова совпадает с названием комедии Островского «Шутники» (1864), сюжет которой перекликается как с позднейшей «Бесприданницей», так и с романами Драйзера «Сестра Керри» и «Американская трагедия».

В «Шутниках», как и в «Бесприданнице», в центре сюжета судьба двух сестер-бесприданниц (как в «Сестре Керри»), дочерей небогатого отставного чиновника Павла Прохоровича Оброшенова. Жених младшей дочери Верочки молодой и тоже небогатый чиновник Александр Петрович Гольцов, подобно Клайду Гриффитсу, совершает преступление, хотя и не сравнимое по тяжести. На похороны матери он растратил чужие деньги, и долг надо немедленно отдать, иначе Гольцову грозит тюрьма. И никто из богатых соседей Оброшенова не изъявляют желания помочь покрыть долг, а лишь устраивают злые шутки, розыгрыши над бедными людьми. Хэппи-энд происходит только вследствие благородства богатого купца Филимона Протасьяча Хрюкова, который берет в жены старшую дочь Оброшенова Анну Павловну, которая моложе его на 35 лет, но жертвует собой ради семьи, выходя замуж за богатого старика. Основная мораль пьесы выражена в заключительной реплике Анны Павловны: «А вот, Верочка, будем жить богато да весело, а главное, не будем ни в ком нуждаться, так перестанут над нами шутить» (Островский, 1974, с. 542). Отсюда следовал вывод о том, что бедность делает людей беззащитными в обществе, где все определяют деньги, что созвучно идеям Драйзера. Тихонов наверняка заметил это сходство, хотя и понимал, что о влиянии Островского на Драйзера не могло быть и речи. Поскольку в СССР официально не было бедных, делать их объектами шуток-розыгрышей было нельзя. И в рассказе Тихонова объектом злой и прямо-таки бесчеловечной шуток-розыгрыша один из героев становится не из-за своего социального положения, а вследствие ревности, а также из-за опасений, что он может разоблачить возможное преступление.

В большей мере, чем к версии убийства, племянник склоняется к другой версии – что Одинов прячет девицу: «<...> он ходит ко мне и говорит еженедельно: не верю, что померла. Сукин сын, он прячет ее и историю выдумал. У него жетоны за плаванье, как он ее спасти не мог. Она, может быть, просто к нему ушла и меня боится. Ее в лодке и не было <...>» (с. 155).

В версию ухода к сопернику как будто вписывается и текст оставленной девицей записки. А вот тут возникает параллель не только с «Американской трагедией», но и с «Сестрой Керри». В начале «Американской трагедии» фигурирует записка, которую оставила родителям старшая сестра Клайда Эста. Ее текст не публикуется, но ясно, что она сообщает о том, что она беременна и уехала с человеком, за которого собирается выйти замуж. Зато в «Сестре Керри» приводится текст аналогичной записки, а тема побега с любимым человеком является основой для сюжета этого романа. Здесь, как и в истории Эсты в «Американской трагедии», художественно осмыслена история сестры писателя Эммы, сбежавшей в Канаду с женатым любовником. В романе Каролина (Керри) Мибер сбегает со своим женатым любовником Джорджем Герствудом, управляющим баром, сначала в Монреаль, а потом в Нью-Йорк, но в дальнейшем решает покинуть его и пишет ему записку, которая начинается так: «Дорогой Джордж! <...> Я уйду. Я больше не вернусь» (Dreiser, p. 345). Эта записка очень похожа на ту, которую оставила девица в рассказе Тихонова, но только вместо определенного «больше не вернусь» в «Шутниках» фигурирует неопределенное «не жди меня сегодня и завтра», что допускает позднейшее возвращение и открывает почву для различных версий. Эта неопределенность присутствует и в «Американской трагедии». Драйзер изображает Гриффитса как человека нерешительного, и он вплоть до са-

мой казни не уверен, намеренно или случайно он ударил Роберту фотоаппаратом, что и привело к ее гибели.

В «Сестре Керри» Джордж Герствуд, после того как от него сбежала Керри, опускался все ниже и ниже по социальной лестнице и в конце концов покончил с собой. Нечто подобное происходит и с племянником у Тихонова, хотя и без трагического исхода. По словам дяди, племянник после исчезновения возлюбленной «сковырнулся. Дело забросил, там порчи разные пошли, недочеты, прогулы, чуть его в шею не гонят <...> И сидит и твердит одно. Черт с ним, с делом! Люблю ее больше всего на свете» (с. 155).

В то же время предположение, что девица ушла к Одинцову, и он ее прячет, выглядит абсурдно. Спрятать взрослого здорового человека в Ленинграде тогда было довольно затруднительно. И таким образом Тихонов дает понять читателям, что девица, скорее всего, погибла, и этой версией племянник лишь утешает себя, веря, что возлюбленная может быть жива.

Рассказчик Тихонова сравнивает свою встречу с дядей, племянником и милиционером на Республиканском мосту с немым кинофильмом: «Ожидавшие за рогаткой вытягивали шеи, но расстояние было все же большое. Им пришлось удовлетвориться нашей мимикой. Если мы и изображали для них кино, то отнюдь не звуковое» (с. 149). Здесь можно усмотреть намек на снятый в Голливуде немой фильм немецкого режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау «Восход солнца» (“Sunrise: A Song of Two Humans”, 1927), который считается его лучшим фильмом и одним из лучших фильмов мирового кинематографа. Сюжет «Восхода солнца» частично совпадает с сюжетом «Американской трагедии». В фильме главные персонажи обозначены как *Мужчина* (Джордж О’Брайен), *Жена* (Дженет Гейнор) и *Женщина Из Города* (Маргарет Ливингстон). *Мужчина* влюбляется в *Женщину Из Города*, и та убеждает его устроить *Жене* «несчастный случай». *Мужчина* вывозит *Жену* на лодочную прогулку и должен ее утопить. Однако уже в лодке он понимает, что не сможет убить *Жену*. Та, догадавшись, что *Мужчина* собирался ее убить, сбегает от него. Он ее догоняет и вымаливает прощение. Они восстанавливают отношения. На обратном пути лодка попадает в шторм, и *Жена* оказывается за бортом. *Мужчина* пытается ее спасти, но течение уносит *Жену*. Доплыв до берега, *Мужчина* организует ее поиски. Тут появляется *Женщина Из Города*, которая думает, что *Мужчина*, как и планировалось, утопил *Жену*. *Мужчина* в ярости набрасывается на нее, но тут приходит весть, что *Жена* найдена живой, и *Мужчина*, оттолкнув *Женщину Из Города*, бросается к *Жене*, которая обнимает его на фоне восходящего солнца.

Из фильма Мурнау Тихонов, скорее всего, почерпнул сюжетный ход, согласно которому судьба героини (*Жены*) на какое-то время остается неизвестной. В «Шутниках» Одинцов, которого племянник грозился убить, подговаривает своего знакомого из водолазной команды послать племяннику время от времени анонимные записки, что труп его возлюбленной найден и надо его опознать, тогда как на самом деле у водолазов, по словам дяди «...его никто и не ждал. А утопленник найден какой-нибудь пьянчуга, и племяшу, конечно, все это очень неприятно. Мучается человек, а они его тем и изводят» (с. 155).

И в финале рассказа племянник осуществляет страшную месть Одинцову. Узнав, что в ночь под Республиканским мостом будет проходить транспорт, кото-

рый ведет Одинцов, он устраивает провокацию, следствием которой становится небольшая авария, без человеческих жертв:

Когда судно сделало свой маневр и устремилось в коридор между стеньга, племяш закричал в рупор длинным и отчаянным каким-то голосом, точно у него от натуги рвалось горло. Он кричал навстречу пароходу:

– Один-цо-о-о-о-о-в, убью тебя, сволочь! На дне достану! Одинцов! Слышишь, убью! Слышишь! Одинцо-о-о-о-о-в!

Потом мы увидели, как верхушка мачты задела верхний край поднятого мостового барьера. Дрогнула рука на штурвале, ошибся Одинцов или испугался крика, но мачта задела непроницаемый верхний барьер моста, висящий неодолимо в воздухе. Послышался узкий треск, как от сломанной тросточки, и верхушка мачты секунду стояла неподвижно, потом стала клониться и рухнула, треща, с быстротой вниз. Пароход вошел в середину прохода и исчез с глаз (с. 160).

Эта бескровная авария вызывает у Тимофея Матвеевича гораздо больше эмоций и возмущения, чем вероятная гибель безымянной девицы по вине Одинцова. Он обращается к племяннику: «Такую вещь испортил, пес! Ну, брат, и будет тебе. Таковую вещь испортил. Чувств своих не сдержал». И о том же Тимофей Матвеевич говорит в заключительных словах рассказа, обращенных к автору: «Только себя во всем видят, вот и пошутили с вещью, а вещь шутки не любит» (с. 161).

Точно так же толпа, собравшаяся на мосту в ожидании, когда его вновь сведут после завершения прохода судов, воспринимает аварию с пароходом как настоящую античную трагедию: «Толпа кидала руки вверх и в стороны» (с. 161).

Если, с точки зрения Тихонова, Драйзер большой трагедии землетрясения в Сан-Франциско противопоставил маленькую трагедию гибели двух человек (а с точки зрения американского писателя, казнь Клайда – это тоже трагедия), то в «Шутниках» идет дальнейшее снижение трагического. Как настоящая трагедия окружающими воспринимается не вероятная гибель возлюбленной племянника, а не такое уж значительное повреждение парохода из-за мести племянника Одинцову. Получается, что полезную и дорогую вещь, вроде парохода, в СССР ценят дороже, чем жизнь человека. А уж наказание возможного убийцы Одинцова превращено в настоящий фарс. Максимум, что ему грозит, – это увольнение с должности лоцмана. И, в отличие от одноименной комедии Островского, в тихоновских «Шутниках» шутят не столько не только над людьми, но и над вещью.

Подобный прием, когда малозначительное событие выдается за настоящую трагедию, тогда как подлинную трагедию не замечают, присутствует у Тихонова также в рассказе «Вечный транзит», впервые опубликованном в 1933 г. в альманахе «Год шестнадцатый» (Альманах второй). Здесь тоже действует писатель-рассказчик, имеющий автобиографические черты, вроде поездки в Туркмению, но для маскировки наделенный осетинской фамилией Нарастаев. И этот писатель безуспешно пытается подобрать сюжет для романа, который должен «нести философию социальной революции» (с. 191). На самом деле для Тихонова эта задача была в принципе неразрешима. Он два года сражался против красных боевым офицером в армиях Юденича и Врангеля, и свое отношение к большевикам не изменил до конца жизни, хотя крайне удачно к ним приспособился, скрыв белогвардейское прошлое [Соколов, 2025]. Но приспособиться – это одно, а написать роман-эпопею с революционных позиций – совсем другое. Если бы Тихонов стал писать искренне, то получилось бы что-нибудь еще более антисоветское, чем

пастернаковский «Доктор Живаго», и без всяких шансов пройти через цензуру. Поэтому Тихонов романа так и не написал.

Главной трагедией в «Вечном транзите» выглядит эпизод, когда проводник вагона, вскакивая в вагон на остановке, случайно потерял книжку с билетами пассажиров:

Проводник с шафранным лицом и усами, опущенными как в воду, походил на китайца <...> Книжку-то, где билеты от всех пассажиров хранятся, он возьми да и урони, да под откос она и пошла, а поезд уже на ходу был. Что вы с ней теперь сделаете?.. Сколько ежжу – первый случай такой. Большая беда ему пришла. <...> Книжку-то обронил он. Это что такое? Это на каждой станции вылезай, да иди, да доказывай, какому пассажиру где транзит, да какие документы, да одними актами замучат. А он-то ведь не первый год вагоны обхаживает. И сидит вот как кремень, пожелтел с лица (с. 183–185).

Подлинная же трагедия запечатлена в сцене появления в вагоне нищенки с дочкой, выдающей себя за цыганку, хотя цыганкой не является:

– Я не цыганка, видишь, ты знаешь, я не цыганка. Я тебе песню спою нашу. И, не дожидаясь приглашения, она пропела басом, чуть приплясывая. Девочка испуганно смотрела на мать.

Алтын-балтын яртанга
Бисборамис баттанга
Бисборамис баттанга
Манке шимес Бухара
Перстений, золотой.
Таныш мама
Чжан ссыгда будет дорогой!

– Дай двадцать копеек, – сказала она обыкновенным голосом побирушки, – ну, дай.

– Не цыганка ты, – сказал краском, – не верю.

– А кто ж я, по-твоему?

– Черт тебя знает. Может, ты классовый враг какой. Поди тебя разбери.

– А девочку обижать зачем, зачем враг говорить? Плачь, дочка (с. 188).

Но страдания двух нищенок оставляют равнодушными пассажиров, и это равнодушие – тоже само по себе трагедия. Тихонов по условиям цензуры не мог прямо сказать, откуда взялись эти нищенки. Но писатель оставил в тексте рассказа прозрачный намек на их происхождение. Нарастаев сокрушается, что «по ходу действия по плану шестнадцатой главы его романа требовался кулак. Он стоял, изможденный собственной злобой, в разорванной рубахе, в новых сапогах. Он сжег последнее зерно, чтобы оно не досталось никому, и вывел детей на дорогу, голых и голодных. <...> Кулак явно не удавался» (с. 185).

1933 год – это год насильственной коллективизации, раскулачивания и вызванного ими массового голода. Поэтому нищие из голодающих губерний были тогда обычным явлением в поездах. Эту трагедию народа и запечатлел Тихонов в «Вечном транзите», хотя и вынужден был говорить о ней иносказательно. А изображение кулака как главного виновника голода в так и не написанном романе Нарастаева дано в полном соответствии с пропагандистскими установками, но и с очевидной иронией, как неудавшийся образ.

У Тихонова есть еще один очень короткий рассказ, где также присутствует скрытая ирония по отношению к большевикам. Это – «Рассказ о Щорсе». Он был написан в 1940–1941 гг. под влиянием фильма режиссера Александра Довженко «Щорс» (1939) и должен был войти в большую «Книгу для чтения» для детей, но в связи с началом Великой Отечественной войны эта антология не была издана, и Тихонов опубликовал «Рассказ о Щорсе» только в 1956 г. в сборнике «Рассказы». Сюжет рассказа, действие которого происходит летом 1919 г., сводится к тому, что Щорс вместе с товарищами едет на автомобиле по степи и навстречу им попадает грузовик с петлюровцами. Из-за облака пыли те не могут разглядеть, кто находится во встречном автомобиле, красные или свои. Щорс пользуется этим, сближается с грузовиком, бросает в него гранату, а потом на полной скорости уезжает. Тихонов никогда не встречался с Николаем Александровичем Щорсом, которого с легкой руки Сталина, поручившего Довженко снять фильм о Щорсе, чтобы утвердить советский миф гражданской войны на Украине, стали называть «украинским Чапаевым», и именно так называет Тихонов Щорса в своем рассказе. Не исключено, что писатель услышал эту историю от кого-то из соратников Щорса. Однако ни в фильме Довженко, ни в первой биографии Щорса, написанной его соратником Иваном Наумовичем Дубовым и впервые опубликованной в 1935 г. (Дубовой, 1935), этого эпизода нет. Поэтому нельзя исключить, что Тихонов этот эпизод придумал по аналогии с сюжетом своего же «Рассказа о Буденном» для той же антологии, где Буденный вместе со своим ординарцем неузнанным попадает к белоказакам, а потом успешно берет их в плен (с. 437–439). Вот этот рассказ Тихонов точно слышал либо от самого Семена Михайловича Буденного, либо от кого-то из его соратников, так как эта история гораздо более подробно изложена в первом томе мемуаров Буденного «Пройденный путь», изданных в 1958 г. (Буденный, 1958, с. 94–97). Маршал Буденный был жив и в 1941, и в 1956 г., так что какая-то пародия в его адрес в рассказе Тихонова исключалась. Семен Михайлович очень внимательно и критически читал все, написанное о себе, что показала история с «Конармией» Исаака Бабеля. А вот в «Рассказе о Щорсе», как и в «Шутниках» и в «Вечном транзите», Тихонов допустил скрытую иронию. У него в начале рассказа «Смотрит Щорс на эти поля и говорит: “Смотрите, вот он, наш родной советский простор!”», а в финале «Щорс сорвал с головы фуражку, стукнул ею о колено, сказал: “До смерти живы будем!” – и засмеялся» (с. 439, 440). Здесь можно увидеть пародию на следующие слова из фильма: «Будет жить Радянська власть, пока свет стоит <...>» (Довженко, 1966, с. 181). С учетом реальной судьбы Щорса эти слова выглядят как злая ирония. Раз действие рассказа происходит летом 1919 г., то жить Щорсу оставалось считанные недели, если не дни. Ведь уже 30 августа 1919 г. Щорс был убит в бою с наступавшей на Киев Украинской Галицкой Армией. Вероятно, Тихонов обратил внимание на то, что в финале фильма отсутствует сцена гибели Щорса, хотя первоначально эта сцена под названием «Последний бой Щорса» в сценарии была и даже публиковалась в газете «Вечерняя Москва» 21 марта 1937 г. (Довженко, 1966, с. 342). Причины ее исключения могли быть как эстетические, так и политические. С одной стороны, Довженко мог решить, что не стоит показывать гибель героя, чтобы сильнее подчеркнуть его бессмертие. С другой стороны, И. Н. Дубовой, консультировавший фильм Довженко и к тому времени дослужившийся до командарма 2-го ранга, в августе 1937 г. был арестован, а в июле

1938 г. расстрелян, причем среди прочих сфальсифицированных обвинений ему инкриминировали убийство Щорса. В сценарии же Довженко гибель Щорса описывалась в полном соответствии с мемуарами Дубового – как следствие рокового выстрела галицийского пулеметчика. Данное обстоятельство также могло стать причиной изъятия этой сцены из фильма. Стоит отметить, что позднейшая экспертиза полностью подтвердила версию Дубового – в черепе Щорса был обнаружен манлихеровский винтовочный патрон, выпущенный из винтовки «Манлихер» или пулемета «Шварцлозе», которые были на вооружении только у галицийцев [Гимпельсон, Пономарев, 2010].

Таким образом, сюжеты «Американской трагедии» и «Сестры Керри» Драйзера послужили основой для сюжета рассказа Тихонова «Шутники», причем трагичность происходящего в рассказе сознательно снижена в целях скрытой сатиры на советское общество, где трагедия человека снижена до трагедии вещи. Также, как показано в «Шутниках», отразившееся в очерке Дж. Лондона «История очевидца» Большое землетрясение в Сан-Франциско, происшедшее в том же году, что описанная в «Американской трагедии» история, по своему масштабу было несоизмеримо с преступлением Клайда Гриффита. Присутствующий в «Сестре Керри» мотив побега с любимым человеком, характерный для «Сестры Керри», в рассказе Тихонова используется для осложнения сюжета и внесения неопределенности в судьбу героини. Примененный в тихоновских «Шутниках» прием, когда в восприятии окружающих подлинная трагедия подменяется мнимой, применен Тихоновым в рассказе «Вечный транзит» и «Рассказе о Щорсе». В рассказе «Шутники» также отразились сюжеты пьес А. Н. Островского «Шутники» и «Бесприданница», на что, как и в случае с романами Драйзера, есть прямые указания в тексте тихоновского рассказа. Основная идея указанных пьес Островского, заключающаяся в том, что бедность делает людей беззащитными в обществе, где все определяется материальным богатством, созвучна идеям Драйзера. Однако Тихонову социальные мотивы Драйзера и Островского, по цензурным условиям, приходилось заменять личностными, вроде ревности в «Шутниках», а также тщательно маскировать сатиру в «Вечном транзите» и «Рассказе о Щорсе».

Список литературы

Гимпельсон Е. А., Пономарев Е. В. А были ли убийцы? Тайна гибели легендарного начдива Н. А. Щорса: взгляд сквозь годы // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 44–47.

Панова О. Ю., Попова В. Ю. Теодор Драйзер в Ленинграде. Новые материалы // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 16–41.

Соколов Б. В. Белый офицер Николай Тихонов: «Гвозди бы делать из этих людей!» // Родина. 2025. № 2. С. 40–44.

Федин К. А. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М.: Сов. писатель, 1977. 387 с.

Список источников

Буденный С. М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1958. Кн. 1. 448 с.

Довженко А. Д. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Ю. Я. Барабаша, С. С. Гинзбурга; сост. Ю. И. Солнцева. М.: Искусство, 1966. Т. 1. 356 с.

Драйзер Т. Сестра Керри / Пер. с англ. М. Г. Волосова. Л.: Мысль, 1927. 388 с.

Драйзер Т. Американская трагедия: Роман / Пер. с англ. З. А. Вершининой // Драйзер Т. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 6. 831 с.

Драйзер Т. Русский дневник / Пер. с англ. Е. Кручиной. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Дубовой И. Н. Мои воспоминания о Щорсе. Киев: Гос. военное изд-во «На варті», 1935. 46 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е. Г. Холодова; подгот. текста и коммент. Е. И. Прохорова, Л. Н. Смирновой, И. Г. Ямпольского. М.: Искусство, 1974. Т. 2. 808 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. В. Я. Лакшина; подгот. текста и коммент. Е. И. Прохорова. М.: Искусство, 1975. Т. 5. 543 с.

Тихонов Н. С. Памяти большого художника // ЛГ. 1946. 5 янв. № 2. С. 4.

Тихонов Н. С. Собр. соч.: В 7 т. / Сост. В. А. Тихоновой, И. А. Чепик; коммент. И. Л. Гринберга, М. И. Земской. М.: Худож. лит., 1985. Т. 3. 526 с.

Dreiser T. Sister Carry. Freeditorial. 395 p. [An Electronic copy]. URL: https://web.seducoahuila.gob.mx/biblioweb/upload/sister_carrie__by_theodore_dreiser.pdf (дата обращения 29.11.2025).

London J. The Story of an Eyewitness (Collier, 1906, May 5) // Jack London's Journalism [An Electronic copy]. URL: <https://web.archive.org/web/20101005020013/http://london.sonoma.edu/Writings/Journalism/sfearthquake.html> (дата обращения 05.05.2025).

References

Fedin K. A. Gorky sredi nas: Kartiny literaturnoi zhizni [Gorky among us: Pictures of literary life]. Moscow, Sovetskii Pisatel', 1977, 387 p. (in Russ.)

Gimpelson E. A., Ponomarev E. V. A byli li ubiitsy? Taina gibeli legendarnogo nachdiva N. A. Shchorsa: vzglyad skvoz' gody [Were there any murderers? The mystery of the death of the legendary division's commander N. A. Shchors: a look through the years]. *Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]*, 2010, no. 11, pp. 44–47. (in Russ.)

Panova O. Yu., Popova V. Yu. Theodor Dreiser v Leningrade: novye materialy [Theodor Dreiser in Leningrad. New materials]. *Literatura dvukh Amerik [Literature of two Americas]*, 2023, no. 15, pp. 16–41. (in Russ.)

Sokolov B. V. Belyi ofitser Nikolai Tikhonov: “Gvozdi by delat' iz etikh lyudei!” [White officer Nikolai Tikhonov: “Nails should be made of these people!"]. *Rodina [Homeland]*, 2025, no. 2, pp. 40–44. (in Russ.)

List of Sources

Budyonny S. M. Proidennyi put' [The traveled path]. Moscow, Voenizdat, 1958, book 1, 448 p. (in Russ.)

Dovzhenko A. D. Collected works. In 4 vols. Ed. by Yu. Ya. Barabash, S. S. Ginzburg; comp. by Yu. I. Solntsev. Moscow, Iskusstvo, 1966, vol. 1, 356 p. (in Russ.)

Dreiser T. Amerikanskaya tragediya: Roman [An American Tragedy: A Novel]. Transl. from English by Z. A. Vershinina. In: Dreiser T. Collected works. In 9 vols. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1928, vol. 6, 831 p. (in Russ.)

Dreiser T. Russkii dnevnik [Russian Diary]. Transl. from English by E. Kruchina. Moscow, Eksmo, 2018, 320 p.

Dreiser T. Kerry's Sister. Transl. from English by M. G. Volosova. Leningrad, Mysl, 1927, 388 p. (in Russ.)

Dreiser T. Sister Carry. Freeditorial. 395 p. [An Electronic copy]. URL: https://web.seducoahuila.gob.mx/biblioweb/upload/sister_carrie__by_theodore_dreiser.pdf (accessed: 29.11.2025).

Dubovoy I. N. Moi vospominaniya o Shchorse [My memories of Shchors]. Kiev, State Military Publishing House "Na varti", 1935, 46 p. (in Russ.)

London Jack. The Story of an Eyewitness (Collier, 1906, May 5). Jack London's Journalism [An Electronic copy]. URL: <https://web.archive.org/web/20101005020013/http://london.sonoma.edu/Writings/Journalism/sfearthquake.html> (accessed: 05.05.2025).

Ostrovsky A. N. Complete works. In 12 vols. Ed. by E. G. Kholodov; text prep. and comment. by E. I. Prokhorov, L. N. Smirnova, I. G. Yampolsky. Moscow, Iskusstvo, 1974, vol. 2, 808 p. (in Russ.)

Ostrovsky A. N. Complete works. In 12 vols. Ed. by V. Ya. Lakshin; text prep. and comment. by E. I. Prokhorov. Moscow, Iskusstvo, 1975, vol. 5, 543 p. (in Russ.)

Tikhonov N. S. Pamyati bol'shogo khudozhnika [In memory of the great artist]. *Literaturnaya gazeta*, 1946, January 5, no. 2, p. 4. (in Russ.)

Tikhonov N. S. Collected works. In 7 vols. Comp. by V. A. Tikhonova, I. A. Chepik; comment. by I. L. Grinberg, M. I. Zemskoy. Moscow, Fiction, 1985, vol. 3, 526 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Борис Вадимович Соколов, доктор филологических наук, кандидат исторических наук

Information about the Author

Boris V. Sokolov, Doctor of Sciences (Philology), Candidate of Sciences (History)

Статья поступила в редакцию 26.01.2026;

одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 09.02.2026

The article was submitted on 26.01.2026;

approved after reviewing on 09.02.2026; accepted for publication on 09.02.2026

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-47-61

Стихотворение Булата Окуджавы «Счастливчик» на фоне Пушкина и оттепельной пушкинианы

Мария Александровна Александрова

Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н. А. Добролюбова
Нижний Новгород, Россия

nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Аннотация

Статья посвящена осмыслению читательских впечатлений Булата Окуджавы, творчески реализованных в системе мотивов, речевой композиции и образном строе стихотворения «Счастливчик» (1966). Показана разная направленность полемики поэта с двумя младшими современниками. В текстах Евгения Евтушенко для Окуджавы неприемлема концепция личности Пушкина, обусловленная поверхностным бунтарством периода Оттепели (упрощенная трактовка пушкинско-блоковской идеи *тайной свободы*, абсолютизация внешних выражений раскрепощенности гения в духе демонстративного поведения «эстрадного» поэта). Желанию Беллы Ахмадулиной «спасти Пушкина» (раннее стихотворение «Дуэль») Окуджава противопоставил собственное понимание идеальной судьбы поэта: если поэтесса ценой «отмены» губительного исхода поединка создает утешительный для читателя образ Пушкина, который «не знал печали», то автор «Счастливчика» трактует реальный биографический сюжет, включая финальную трагедию, как торжество жизненных ценностей героя («Ему было за что умирать...»). Диалог Окуджавы с Булгаковым (чье литературное возвращение стало важнейшим событием Оттепели) рассмотрен в следующих аспектах: с одной стороны, прослежен живой отклик поэта на карнавальную атмосферу «Мастера и Маргариты», который выразился в переосмыслении фигуры «завистника Пушкина», формировании на этой основе речевой «маски» простодушного рассказчика; с другой стороны, аллюзии к пьесе «Последние дни» (важнейший среди «цитатных» мотивов – «жандармы его стихи на память заучивали») выступают средством преодоления мифа о Пушкине-мученике. Высокая оценка концепции «Счастливчика» Ю. М. Лотманом находит подтверждение в ходе анализа имплицитных и явных связей текста с художественным миром Пушкина. Особое внимание уделено реконструкции сокровенного лирического диалога автора со своим героем: показано, что на уровне подтекста событийный состав и порядок рассказа отличаются от наивного «ролевого» монолога, поскольку начальным событием оказывается воскресение погибшего поэта; обоснована функция речевой «маски», позволяющей автору передать свое восхищенное недоумение перед *тайной свободой* Пушкина.

© Александрова М. А., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 47–61
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 47–61

Ключевые слова

А. Пушкин, Б. Окуджавы, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина, М. Булгаков, Ю. Лотман, пушкинский миф, биографический сюжет, мотив, поэтический рассказ

Благодарности

Исследование выполнено в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н. А. Добролюбова при поддержке гранта Российского научного фонда № 25-28-01320, <https://rscf.ru/project/25-28-01320/>

Для цитирования

Александрова М. А. Стихотворение Булата Окуджавы «Счастливчик» на фоне Пушкина и оттепельной пушкинианы // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 47–61. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-47-61

Bulat Okudzhava's Poem "The Lucky Man" within the Context of Pushkin's Work and the Thaw-Era Pushkiniana

Maria A. Aleksandrova

Linguistics University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

nam-s-toboi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5183-9322>

Abstract

This article analyzes Bulat Okudzhava's poem "The Lucky Man" (1966), focusing on how his literary experiences are creatively translated into its motif structure, rhetorical composition, and figurative language. It demonstrates Okudzhava's contrasting polemical approaches to two younger contemporaries. Okudzhava criticizes Yevtushenko's portrayal of Pushkin, viewing it as shaped by the superficial rebelliousness of the Thaw-Era. Specifically, he rejects an oversimplified interpretation of Pushkin's and Blok's idea of "secret, inner freedom" and the excessive emphasis on the outward expressions of Pushkin's emancipation.

In response to Akhmadulina's effort to "save Pushkin" (as seen in her early poem "The Duel"), Okudzhava presents his own vision of the poet's ideal destiny. While Akhmadulina "cancels" the fatal outcome of the duel, creating an image of Pushkin who "knew no sorrow," the author of "The Lucky Man" interprets the actual biographical plot – including its final tragedy – as the triumph of the hero's values. Okudzhava's dialogue with Bulgakov – whose literary return became one of the most significant events of the Thaw-Era – is considered in two aspects. On the one hand, the article traces Okudzhava's vibrant engagement with the carnivalesque spirit of *The Master and Margarita*, noting how this led to a reinterpretation of the "Pushkin's envier" figure and, consequently, the adoption of the naive narrator's "mask". On the other hand, allusions to the play *The Last Days* are interpreted as a means of overcoming the myth of Pushkin as a martyr. The high assessment of "The Lucky Man" formulated by Yuri M. Lotman is shown to be well-founded through an analysis of the poem's implicit and explicit intertexts connected to Pushkin's oeuvre. Special attention is devoted to reconstructing the author's intimate lyrical dialogue with his hero.

The analysis reveals that, at the subtextual level, the sequence of events and the narrative structure of the poem derive from the naive "role" monologue. This divergence stems from the initial event – the resurrection of the fallen poet. The function of the narrator's "mask" is thereby confirmed as a literary device allowing Okudzhava to express both his admiration and bewilderment regarding Pushkin's "secret freedom".

Keywords

A. Pushkin, B. Okudzhava, E. Evtushenko, B. Akhmadulina, M. Bulgakov, Yuri M. Lotman, Pushkin myth, biographical plot, motive, poetic narrative

Acknowledgments

This work was carried out at Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN) with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-01320, <https://rscf.ru/project/25-28-01320/>

For citation

Aleksandrova M. A. Bulat Okudzhava's Poem "The Lucky Man" within the Context of Pushkin's Work and the Thaw-Era Pushkiniana. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 47–62. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-47-62

В известных рассказах Окуджавы о своем позднем открытии Пушкина это событие предстает выпадением из «общего хора» (Окуджава, 1997, с. 18), избавлением от стереотипов, усвоенных в школьные и студенческие годы – в пору оформления советского пушкинского канона. Началу полноценного творческого диалога с Пушкиным предшествовало «второе рождение» поэта в эпоху Оттепели. Новые обстоятельства не только раскрепощали литературное сознание для «нетривиальных подходов и концепций» [Муравьева, 1995, с. 131], но и обостряли вечный вопрос об адекватности поэтического слова пушкинской теме.

Фундамент пушкинского мифа «закладывал сам поэт» [Новиков, 2007, с. 8], оказавший доверие собратям по музе: «И славен буду я, доколь в подлунном мире // Жив будет хоть один пиит» (Пушкин, 1957, т. 3, с. 373). Между тем литературную пушкиниану создавали авторы, чей талант заведомо несоразмерен с пушкинским, и даже классики «обычно писали о Пушкине не на его уровне» [Кормилов, 2004, с. 9]. Для участников советского «хора» проблема диалога с гением разрешалась простейшим образом. Так, Ярослав Смеляков начал стихотворение «Здравствуй, Пушкин!» (1949) признанием, сколь «страшно» ему с «поэтом всех поэтов // бедными стихами говорить», чтобы затем растворить лирическое *я* во всеильном *мы* – «народе», чья любовь воскрешает Пушкина «к новой жизни» в «радостной стране» и превращает *бедные стихи* в ликующий голос всего мира: «Словно песня, льется вешний свет» (Смеляков, 1967, с. 190, 191). Отказ от лирической позиции «сомневающегося» привел к омертвлению слова, которое в первой строфе еще было живым, личным. В целом же текст Смелякова служит наглядной иллюстрацией провала советских «юбилейных» планов по созданию в честь классика конгениальных ему произведений [Платт, 2017, с. 210].

Когда Оттепель восстановила естественный статус поэта, говорящего «от себя» [Чудакова, 2007, с. 82], изменился и характер ответственности перед Пушкиным.

Среди поэтов, которые «писали о Пушкине не на его уровне» (С. И. Кормилов), задавая уровень предельно высокий, важнейшими оттепельными ориентирами были Пастернак («Тема с вариациями», «Ветер»), Маяковский («Юбилейное») и в особенности Цветаева, чьи «Стихи к Пушкину» – «Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие, и всё имеющие – обратное канону. *Опасные стихи*»¹ (Цветаева, 1982, с. 149) –

¹ Выделено публикаторами цитируемого текста.

воспринимались как жгуче-злободневные. Публикаторы цикла вынужденно соблюдали осторожность: процесс растянулся почти на весь срок Оттепели – от двух текстов в первом альманахе «День поэзии» (1956) до шести (из семи) в цветаевском томе «Библиотеки поэта» (1965); своевременность читательских впечатлений обеспечивал самиздат. Сарказм по поводу классика «в роли Командора» (Цветаева, 1965, с. 281), адресованный «пушкиньянцам» первой эмиграции, резонировал с пафосом отвержения советского пушкинского канона. Если к Блоку восходит символизация Пушкина как носителя *тайной свободы*, то цветаевский *африканский самовол* и *бушевавший африканец* Маяковского стали в пору Оттепели олицетворением свободы явной – явленной напоказ всему миру.

Потребность в таком символе и предпочтение внешнего сокровенному, характерные для времени активного дистанцирования от сталинской эпохи, особенно напористо выражены Евгением Евтушенко, способным «улавливать и запечатлевать в хлестких формулах токи общественного возбуждения» (Самойлов, 2014, с. 469). Евтушенко фактически провозгласил ущербность идеи *тайной свободы* (подвергнутой упрощению и «отделенной» от Пушкина), обвинив в измене делу поэтического «мятежа» адресата стихотворения «Большой талант всегда тревожит...» (1956): «Ты спрятался в свою свободу, / и никому ты не мешал, / как будто бы ушел под воду / и сквозь тростиночку дышал»² (Евтушенко, 1962, с. 61). Показательно, что этот текст в авторском сборнике «Нежность» (1962) следует сразу за программным стихотворением «Пушкин».

Эстрадные поэты чувствовали себя призванными бунтовать «во имя Пушкина». Вознесенский в «Балладе точки» (1958) отождествляет, вслед за пастернаковской «Смертью поэта», героика дуэли Пушкина и героика самоубийства Маяковского; когда же метафора «вторая проекция той же прямой» (пулевой прямой) (Вознесенский, 2015, с. 59) применяется к оттепельному поколению, смелость аналогии оборачивается хлестаковщиной. Евтушенко продолжает нападки автора «Юбилейного» на пушкинистов («...Воздвигли – аж тошно! – цитадели цитат» (Евтушенко, 1962, с. 60)) и, будучи зависим от «Стихов к Пушкину» в приемах риторической суггестии, подражает аллитерациям раннего цветаевского стихотворения «Психея». Цветаева в первой части пушкинского цикла обрушивает на противников каскад саркастических вопросов, а Евтушенко использует «утвердительно-конструктивные» конструкции, тем же каскадным способом нанизанные на тезис: Пушкин есть Пушкин. Цветаева создает звуковой образ имени поэта, навеянный двустипием из «Медного всадника» – «Шипенье пенистых бокалов / И пунша пламень голубой» (Пушкин, 1957, т. 4, с. 382): «Пунш и полночь. Пунш – и Пушкин, / Пунш – и пенковая трубка / Пышущая. Пунш – и лепет / Бальных башмачков по хриплым / Половицам» (Цветаева, 1965, с. 154). Евтушенко бессознательно окарикатуривает открытия предшественников: «От пышного пунша, / салатов, салазок / до пуль и до пушек / на той, на Сенатской, / от пышущих пашен / и снова до пунша, / поёт или пляшет – / он Пушкин! / Он Пушкин!»³ (Евтушенко, 1962, с. 60). «Пуншевому» Пушкину вторит «шумящий, шаманский / гуляки пророка / характер шампанский!» (Евтушенко, 1962, с. 60). Доброжелательный к Евтушенко

² Здесь и далее курсив мой. – М. А.

³ Вторичность приемов Евтушенко не оставляет сомнений в том, что «Психея», в начале 1960-х еще не републикованная, была известна ему по самиздату.

рецензент на этот раз высказался едко: «Газированный Пушкин целиком остается на профессиональной совести автора» [Чудаков, 1962, с. 25].

Итак, вопрос о *бедных стихах* в честь гения актуальности не теряет. В этих обстоятельствах, по-своему драматичных, рождается лирическая пушкиниана Окуджавы.

Отмечалось, что в стихах о Пушкине Окуджава интерпретирует прежде всего личность поэта, избегая строить собственные лирические сюжеты на осмыслении пушкинских произведений [Кулагин, 2019, с. 121–122]. Но, поскольку ключ к личности Пушкина – его творчество, суть дела заключается в преломлении читательских впечатлений. Очевидно также, что поэту небезразлична история пушкинской темы, которая (подобно судьбе других классических феноменов) представляет собой «цепь “смыслоутрат” и достраиваний смыслов» [Хализев, 2002, с. 328]. Стихотворение Окуджавы «Счастливчик»⁴ позволяет наблюдать освоение разнородных, несопоставимых по эстетической ценности литературных источников.

Нам уже приходилось анализировать повторяющийся прием, маркирующий диалог Окуджавы с поэтами: в сильную позицию начала текста вынесен чужой образ, измененный автором *по духу своему* [Александрова, Мосова, 2018, с. 44, 47, 54; Александрова, 2022, с. 173]. Но такие партнеры по диалогу, как Александр Блок, Редьярд Киплинг, Давид Самойлов, оставались высоко ценимыми творцами даже в ситуации полемики; Окуджава отзывался на словообраз или мотив с богатым потенциалом. У Евтушенко, поэта неровного, взят один из худших текстов – квинтэссенция «эстрадности». Редкий случай требует специального комментария.

Евтушенко объяснял «эстрадность» как «некую витальную силу» надличной природы, дававшую чувство слияния с огромной аудиторией [Кондаков, 2018, с. 186]. По тому же поводу взыскательный литературный критик писал, что время Оттепели, «избаловавшее своих стихотворцев заранее обеспеченным вниманием изголодавшегося и неразборчивого читателя, <...> располагало ко вседозволенности» [Рассадин, 1996, с. 29]. Такую деформацию творческого сознания с максимальной наглядностью проявляла пушкинская тема, что вполне могли обсуждать друзья – Рассадин и Окуджава. Недаром евтушенковскую версию образа Пушкина Окуджава запомнил настолько хорошо, что оспорил ее спустя четыре года.

Для сопоставления текстов особенно важны начальные строки: «О, баловень балов / и баловень боли! / Тулупчик с бабы – / как шубу соболью. / Он – вне приказаний. / Он – звон и азарт! / Он перегусарит / всех гусар! / Он – вне присяганий. / Он – цокот цикад. / Он перецыганит / всех цыган!» (Евтушенко, 1962, с. 59). *Тулупчик с бабы* варьирует *заячий тулупчик* с плеча Гринёва; поменяв местами дарящего и одариваемого, Евтушенко выставил своего героя ряженым в бабью одежду. Дорожа мифологемой любви *русской бабы* (олицетворенной России) к поэтам, к декабристам, ко всем мятежникам, автор не заметил нелепости портрета. Окуджава возвращает пресловутую *бабу* на подобающее ей место – в избу. Евтушенко, желая с первых строк покорить читателя фонетическими эффектами, не позаботился семантически оправдать сочетание *баловень балов и баловень боли*. Окуджава сохраняет в качестве опорного словообраза *боль*, чтобы минималь-

⁴ Впоследствии печаталось под заглавием «Счастливчик Пушкин».

Вот пример настоящей *удачливости*... <...> Какой бы шаг он ни сделал в жизни, что бы ни случилось с ним, *всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе!* Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «Буря мглою...»? Не понимаю!.. *Повезло, повезло!* – вдруг ядовито заключил Рюхин <...>, – стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие... (Булгаков, 1966, с. 48).

Только завистник Пушкина может полагать, что

<...> *всё ему*

просто:

жил в Одессе, бывал в Крыму,
ездил в карете,
деньги в долг давали ему
до самой

смерти.

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы

его стихи

на память заучивали!

(с. 110.)

Убедительность параллели с «Мастером...» возрастает при выявлении еще одного булгаковского впечатления Окуджавы – пьесы о Пушкине. Важен контекст восприятия обоих произведений: это метасюжет «беззаконного творца», выстроенный самим порядком публикации «Последних дней» (1955, 1962, 1965), «Кабалы святош» (1962), «Жизни господина де Мольера» (1962), «Театрального романа» (1965) и, наконец, романа-завещания.

Как и в «Мастере...», где *мнение народное* о Пушкине выражают обыватели [Яблоков, 2001, с. 139–140], в «Последних днях» *мирскую молву* направляют самозванные судьи гения. Но есть существенное отличие. Среди многих голосов выделен самый ничтожный участник событий – Битков, жандармский соглядатай, проникший в квартиру Пушкина под видом часового мастера. Слушая (в первой сцене), как Александрина Гончарова напевает «Зимний вечер», он восклицает: «Какая чудная песня!» (Булгаков, 1965, с. 343), а в финальном монологе объясняет причины невольной симпатии к жертве слезки:

Самые лучшие стихи написал: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя.

То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...». Слышишь, верно, как дитя (Булгаков, 1965, с. 411).

Именно такой персонаж необходим Булгакову для итогового обобщения, когда все бесчисленные поводы конфликта Пушкина с миром отступают перед главной – неустранимой – причиной:

Да, стихи сочинял... И из-за тех стихов никому покоя... ни ему, ни начальству, ни мне, рабу божьему Степану Ильичу... Я ведь за ним всюду... Но не было фортуны ему. Как ни напишет, мимо попал, не туда, не те, не такие... (Булгаков, 1965, с. 410).

Фатальная «неудачливость» поэта означает его принципиальную несовместимость с наличной реальностью. Сочувственная сентенция маленького человека

и злобное заключение бездарного Рюхина соотнесены благодаря цитированию одних и тех же пушкинских строк. Этот выразительный контраст, по-видимому, стал для Окуджавы творческим стимулом [Александрова, 2021, с. 310].

Интонации сказа «сгущаются» в речевую «маску» простеца – благодушного (в отличие от Рюхина) завистника Пушкина – на том этапе, когда декларация *всё ему просто* подкрепляется конкретными фактами пожизненного «везения». Первый аргумент – «деньги в долг давали ему / до самой смерти» (с. 109). Булгаков в первой сцене выводит ростовщика, своего рода *чёрного человека*: приняв от свояченицы Пушкина ее драгоценности и порассуждав о добродетели терпения, он обещает переписать просроченный вексель, который поэту всё равно не оплатить *до самой смерти*.

Еще более явно отсылает к «Последним дням» эпизод с жандармами:

Очень вежливы и тихи,
делами замученные,
жандармы его стихи
на память заучивали!
(с. 110.)

В четыре строки Окуджава вместил содержание нескольких сцен пьесы. Император, заставший генерала Дубельта на службе в неурочное время, осведомляется, не помешал ли заниматься делами; затем обращается к Бенкендорфу, сопровождающему его особу в поздних разъездах: «Прости, Александр Христофорович, что такую обузу <Пушкина> тебе навязал. *Истинное мучение!*» (Булгаков, 1965, с. 378, 380). В тиши жандармского кабинета, где *делами замученные* внимают верховному чиновнику империи, решается судьба поэта: автору стихотворения «Мирская власть» предсказано, что он «дурно кончит» (Булгаков, 1965, с. 379–380). В то же время растерянность бюрократического государства перед стихией творчества выражена лейтмотивом – заучиванием пушкинских стихов по долгу службы. Сначала Дубельт выслушивает доклад Биткова, обязанного запоминать дословно рукописи поднадзорного: тот декламирует «Зимний вечер» (Булгаков, 1965, с. 373), по простоте душевной не делая различия между «крамольными» и прочими текстами. Так опасным для власти оказывается всё, что Пушкиным написано, и начальник корпуса жандармов, охваченный странной тревогой, сам твердит неотвязное «Буря мглою небо кроет...» (Булгаков, 1965, с. 376, 382). Наконец, в финале Битков, отправленный вместе с жандармским офицером присматривать за неблагонадежным мертвецом по пути в Святые Горы, сетует под вой бури: «Ах, сколько я стихов переучил, будь они неладны!» (Булгаков, 1965, с. 410).

В рецепции Окуджавы зависимость преследователей от жертвы становится буквальной: спутники *счастливчика* как будто подыгрывают ему. Сарказм, вложенный поэтом в комплиментарные характеристики терпеливых кредиторов, вежливых жандармов, очевиден и без булгаковского фона; но его реконструкция позволяет уточнить полемическую функцию приёма.

«Последние дни» – трагедия без катарсиса, едва ли не самое мрачное во всей пушкиниане произведение. Даже массовая сцена на Мойке, предназначенная сделать пьесу идеологически приемлемой для советского театра, пронизана отчаянием, которое затравленный Булгаков разделял со своим героем: персонаж из толпы начинает читать стихотворение еще неведомого миру Лермонтова со строк

«Не вынесла душа поэта *позора мелочных обид...*» – и обрывает цитату на словах «Спасенья нет» (Булгаков, 1965, с. 405, 406). Младший современник Булгакова, с 1937-го носивший клеймо «сына врагов народа», должен был глубоко сочувствовать интенции автора трагедии. И всё же в понимании Окуджавы Пушкин – один из немногих, кто способен возвыситься над обреченностью. Позднее с поэтом солидаризируется Ю. М. Лотман, которому Пушкин открылся как «гениальный мастер жизни», обладавший неслыханным даром «быть счастливым даже в самых трагических обстоятельствах» [Лотман, 1995, с. 184] – счастливым своей творческой силой: «Пушкин всё, к чему ни касался, превращал в творчество, в искусство» [Лотман, 2006, с. 346]. В письме к Б. Ф. Егорову от 20–21 октября 1986 г. миф о «замученном интеллигенте» опровергнут не только биографическими фактами, но и цитированием «Счастливчика» [Там же, с. 348].

Причины устойчивости образа Пушкина-мученика понятны: опыт XX столетия всей своей тяжестью поддерживал традицию. Одним из путей преодоления этой мощной установки был акт воображаемого спасения Пушкина, доступный прежде всего поэтам, мыслящим в модальности мечты, желания. Оттепельная пушкиниана уже не следовала примеру автора «Юбилейного», предлагавшего обезвредить Дантеса надежным советским способом, предпочитая восстанавливать справедливость в духе норм дворянского века. Таково раннее стихотворение Беллы Ахмадулиной «Дуэль», где «всё идёт наоборот»: Дантес повержен, а Пушкин

*Стихи писал, не знал печали,
дела его прекрасно шли,
и поводила всё плечами
и улыбалась Натали*
(Ахмадулина, 1962, с. 36–37).

Непрерывность поэтического диалога Окуджавы с Ахмадулиной, сопровождаемого апелляцией обоих к миру Пушкина [Абельская, 2015, с. 41–48], дает право рассматривать в этом ряду и «Счастливчика» – на правах мягко-полемической реплики. Ахмадулинский образ беспечного счастливица «наивен» в силу сознательно избранной стратегии: «*Чем я утешу поражённых / ничтожным превосходством зла?*» (Ахмадулина, 1962, с. 36). Старший друг поэтессы не ищет утешения в сказочном мире победившей справедливости, где враги Пушкина могут быть «обезврежены».

Во власти автора «Счастливчика» только свободная речь, стилевая игра. В поэтическом рассказе спутники поэта сменяют друг друга по принципу градации, сообразно степени причиненной герою боли, и параллельно раскрепощается ролевой персонаж; с появлением самой зловещей фигуры он непринужденно переключается на молодежный сленг:

*Даже царь приглашал его в дом,
желая при этом
потрепаться о том о сём
с таким поэтом*
(с. 110).

Очередное усилительное *даже* выражает наивысшую степень удачливости:

Он красивых женщин любил
любовью не чинной,
и даже убит он был
красивым мужчиной
(с. 110).

Смерть из-за красавицы от руки красавца совершается словно бы по особому благоволению судьбы. Воистину, *всё шло ему на пользу, всё обращалось к его славе*.

Ритмический рисунок, изначально «вольный», по мере движения сюжета выравнивается, что готовит финальную смену интонации и упразднение наивного рассказчика. Торжествует лирический голос с пушкинскими обертонами:

Он умел бумагу марать
под треск свечки!
Ему было за что умирать
у Чёрной речки
(с. 110).

Артистизм ведения речи обусловил естественное разрешение «лёгкой», карнавальной игры героическим аккордом.

Единственную прямую цитату из Пушкина Окуджава приберег для «сильного места» финала. Уменьше *бумагу марать* вторит небрежной самооценке гения: «Я на берегу парнасских вод / Любил марать поэмы, оды...» (Пушкин, 1956, т. 2, с. 34); «Перу старинной нет охоты / Марать летучие листы...» (Пушкин, 1957, т. 5, с. 137). Кратчайшее цитирование дает очередное приращение смысла.

Во-первых, ретроспективно усложняется содержание «многоголосого» слова. Посмертные толки завистника об *Александре Сергеече* начинают звучать эхом лирико-юмористического предсказания автора «Евгения Онегина»: «Быть может (лестная надежда!) / Укажет *будущий невежда* / На мой прославленный портрет / И молвит: то-то был Поэт!» (Пушкин, 1957, т. 5, с. 54).

Во-вторых, перечитывание, необходимость которого внушает переключка начала и финала, выявляет имплицитный лирический диалог с Пушкиным. Его маркером служит словообраз *боль*, рождающий мгновенный эмпатический отклик: «Александр Сергеечу хорошо! / Ему прекрасно! / *Гудит мельничное колесо, / боль угасла*» (с. 109). Внимательному читателю Пушкина, видимо, запомнилась устойчивая связь мельницы с темой смерти: у мельницы стрелялись Онегин и Ленский; в драме «Русалка» на мельнице завязывается и разрешается самоубийством история любви; ветхая мельница – печальный символ в элегии «Вновь я посетил...» К этим впечатлениям восходит поэтическая интерпретация топографии окрестностей Михайловского. Зная, что в пушкинское время мельница находилась на полдороге между усадьбой и Святогорским монастырем⁷, автор «Счастливлчика» передал состояние героя через успокоительный мельничный шум,

⁷ Реконструкцию впечатлений Окуджавы, оставленных первым посещением Михайловского в 1960 г. (включая экскурсионный рассказ С. С. Гейченко с упоминанием мельницы в деревне Бугрово) см.: [Козмин, 2013]. Память об этой поездке засвидетельствована одной деталью «Счастливлчика», отразившей современную реальность: *только десять минут езды до ближней ярмарки*; гостей музея везла машина, тогда как всадник покрывал расстояние в четыре с лишним версты за полчаса [Там же, с. 132–133].

созвучный чувству облегчения после страданий. Поскольку в свете финала *угасшая боль* получает вполне определенное значение – боль дуэльной раны, речь идет об исцелении смертью, об исполнении желания поэта упокоиться в родных местах: «И хоть бесчувственному телу / Равно повсюду истлевать, / Но ближе к милому пределу / Мне всё б хотелось поживать» (Пушкин, 1957, т. 3, с. 136). Именно здесь герою Окуджавы *хорошо, прекрасно*.

Мотив исцеления-упокоения побуждает вспомнить контрастный булгаковский фон. Драматург специфически перекодировал мрачное политическое значение вмешательства власти в погребение Пушкина:

Помереть-то он помер, а вон видишь, ночью, буря, столпотворение, а мы по пятьдесят верст, по пятьдесят верст... Вот тебе и помер... Я и то опасюсь: зароем мы его, а будет ли толк... Опять, может, спокойствия не настанет... (Булгаков, 1965, с. 410)

Тем самым акцентирована сквозная для пьесы идея мистической сущности творческого дара. Стремительный путь сквозь ночную метель «в Святые Горы <...>, в обитель дальнюю» (Булгаков, 1965, с. 410) символизирует воссоединение гения с грозной потусторонней стихией, которой он, пребывающий «на грани светлого и темного мировых начал», изначально сродни [Яблоков, 2001, с. 141]. Совершенно иначе мифологизирует пушкинское возвращение Окуджавы: его герой и в своем посмертном инобытии остается *земных земней*. Он вслушивается в песни жаворонков и гудение мельничного колеса, видит вблизи сощуренные от солнечного света глаза бабы, выглядывающей из окна избы; для него привычны дорожные ориентиры верховых прогулок от Михайловского *до ближней ярмарки*; «павший зимой у Чёрной речки (топоним несет семантику ночи, мрака), он воскресает весной и обретает всё, что любил при жизни» [Александрова, 2021, с. 315]. Мифопоэтическая условность согласуется с реальностью – майской (по старому стилю) датой рождения Пушкина.

Архитектоническая целостность текста, обусловленная всеми вышеописанными образными ходами, имеет еще одну особенность: хотя представитель *мирской молвы* и носитель авторского лиризма формально не разграничены, на том и другом уровне поэтический рассказ имеет особый событийный состав и порядок. Рассказчик простодушно констатирует, что *Александр Сергеевичу*, как и подобает *счастливчику*, *хорошо*, а затем, следуя от одной биографической вехи к другой, излагает миф о пушкинском везении. Напротив, сокровенный лирический диалог с Пушкиным начат инверсией: радость воскресения-возвращения предшествует гибели, задавая восприятие всего жизненного сюжета. Важно, что при этом отнюдь не умаляется трагичность финального события. Окуджавы усилил траурную семантику дуэльного топонима ассонансами на гулку у, раскатистыми аллитерациями, и одновременно – тем же лаконичным речевым жестом – сопряг гибель Пушкина с торжеством его жизненных ценностей:

Ему было за что умирать
у Чёрной речки
(с. 110).

Окуджавы лишь указывает на парадоксальную способность Пушкина «быть счастливым даже в самых трагических обстоятельствах» [Лотман, 1995, с. 184],

заведомо не претендуя постигнуть эту тайну. Речевая «маска» наивного рассказчика – способ передать авторское чувство восхищенного недоумения.

Переход к финалу недаром сопровождается цитатой: воссоздать в слове *тайную свободу* Пушкина под силу только самому Пушкину, который *умел бумагу марать*. Характерно, что из всей пушкинской афористики Окуджавы выбрал шутливую формулу, мистифицирующую любопытных той легкостью, которую гений (подобно Импровизатору из повести «Египетские ночи») не берется изъяснить. По отношению к Пушкину современный поэт находится в положении Чарского – бескорыстного завистника: «Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению?..» (Пушкин, 1957, т. 6, с. 380). *И всё ему просто...* Говоря о Пушкине *на фоне Пушкина*, Окуджавы нашел творческие преимущества в самой позиции смирения перед гением.

Список литературы

Абельская Р. Ш. Булат Окуджавы и Белла Ахмадулина «на фоне Пушкина» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 6. С. 41–48. DOI 10.20339/PhS.6-15.041

Александрова М. Мифы о Пушкине и стихотворение Булата Окуджавы «Счастливики» // Сборник Матице српске за славистику. 2021. Књ. 99. С. 301–319. DOI 10.18485/MS_ZMSS.2021.99.18

Александрова М. А. Пушкин-памятник в поэтической картине мира Булата Окуджавы // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 166–179. DOI 10.17223/18137083/81/13

Александрова М. А., Мосова Д. В. Блоковская традиция в лирике Булата Окуджавы: Монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2018. 168 с.

Кибальник С. А. Пушкин и современная культура. Л.: Знание, 1989. 32 с.

Козмин В. С. С. Гейченко как соавтор Б. Ш. Окуджавы // Материалы XVI Февральских чтений памяти С. С. Гейченко «Хранители» (14–16 февраля 2013 года). Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2013. С. 127–146.

Кондаков И. В. Феномен «эстрадности» в культуре оттепели // Художественная культура. 2018. № 4. С. 162–195.

Кормилов С. И. «Беллетристическая пушкиниана» как научная проблема // Беллетристическая пушкиниана XIX–XXI веков: Материалы Междунар. науч. конф. Псков, 20–23 окт. 2003 г. Псков: Изд-во ПГПИ, 2004. С. 5–32.

Кулагин А. В. Лирика Булата Окуджавы: научно-популярный очерк. 2-е изд., перераб. М.: Булат, 2019. 178 с.

Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. 847 с.

Лотман Ю. М. Письма: 1940–1993. М.: Языки славянской культуры, 2006. 800 с.

Муравьева О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине / Под ред. М. Н. Виротайнен. [2-е изд., испр.] СПб.: Академический проект, 1995. С. 113–133.

Новиков Вл. Двадцать два мифа о Пушкине (1799–1999) // Новиков Вл. Роман с литературой. М.: Intrada, 2007. С. 6–19.

Платт Дж. Б. Здравствуй, Пушкин!: сталинская культурная политика и русский национальный поэт / Пер. с англ. Я. Подольного. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.

Рассадин С. Б. Время стихов и время поэтов // Арион. 1996. № 4. С. 18–29.

Хализев В. Е. Теория литературы. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. 436 с.

Чудаков С. Настоящую нежность не спутаешь // Огонек. 1962. № 44. С. 25.

Чудакова М. О. Возвращение лирики: Булат Окуджава // Чудакова М. О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 62–107.

Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: ЯСК, 2001. 424 с.

Список источников

Ахмадулина Б. Струна. М.: Сов. писатель, 1962. 120 с.

Булгаков М. А. Драммы и комедии. М.: Искусство, 1965. 596 с.

Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: Роман. Книга первая // Москва. 1966. № 11. С. 7–127.

Вознесенский А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во «Вита Нова», 2015. Т. 1. 536 с.

Евтушенко Е. Нежность. М.: Сов. писатель, 1962. 192 с.

Окуджава Б. Март великодушный. М.: Сов. писатель, 1967. 144 с.

[Окуджава Б.] Судьба, судьбы, судьбе, судьбою, о судьбе... / Из бесед с И. Ришиной // Булат Окуджава: Спец. вып. [Лит. газ.]. 1997. [21 июля]. С. 18.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.: АН СССР, 1956. Т. 2. 462 с.; 1957. Т. 3. 558 с.; Т. 4. 595 с.; Т. 5. 638 с.; Т. 6. 839 с.

Самойлов Д. С. Памятные записки / Сост. Г. И. Медведева, А. С. Немзер. М.: Время, 2014. 704 с.

Смеляков Я. Избранные произведения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 1. 334 с.

Цветаева М. Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 812 с.

Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. Иерусалим: Версты, 1982. 214 с.

References

Abelskaya R. Sh. Bulat Okudzhava i Bella Akhmadulina ‘na fone Pushkina’ [Bulat Okudzhava and Bella Akhmadulina ‘against the background of Pushkin’]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 2015, no. 6, pp. 41–48. (in Russ.) DOI 10.20339/PhS.6-15.041

Aleksandrova M. A., Mosova D. V. Blokovskaya traditsiya v lirike Bulata Okudzhavy [Blok’s Tradition in the Lyrics of Bulat Okudzhava]. Moscow, Flinta, Nauka, 2018, 168 p. (in Russ.)

Aleksandrova M. Mify o Pushkine i stikhotvoreniye Bulata Okudzhavy “Schastlivchik” [Pushkin’s myths and Bulat Okudzhava’s poem “Lucky man”]. *Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2021, vol. 99, pp. 243–257. (in Russ.) DOI 10.18485/ms_zmss.2021.99.18

Aleksandrova M. A. Pushkin-pamyatnik v poeticheskoj kartine mira Bulata Okudzhavy [Pushkin as a monument in the poetic worldview of Bulat Okudzhava]. *Siberian*

Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 166–179. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/13

Chudakov S. Nastoyashchuyu nezhnost' ne sputayesh' [True tenderness]. *Ogonek*, 1962, no. 44, p. 25. (in Russ.)

Chudakova M. O. Vozvrashchenie liriki: Bulat Okudzhava [Return of the lyrics: Bulat Okudzhava]. In: Chudakova M. O. Novye raboty [New Works]: 2003–2006. Moscow, Vremya Publ., 2007, pp. 62–107. (in Russ.)

Khalizev V. E. Teoriya literatury [Literary theory]. 3rd ed., suppl. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2002, 436 p. (in Russ.)

Kibalnik S. Pushkin i sovremennaya kul'tura [Pushkin and contemporary culture]. Leningrad, Znanie Publ., 1989, 32 p. (in Russ.)

Kondakov I. V. Fenomen 'estradsnosti' v kul'ture ottepeli [The Phenomenon of Variety in the Culture of 'Thaw' Epoch]. *Khudozhestvennaya kul'tura [Art and Cultural Studies]*, 2018, vol. 4, pp. 165–195. (in Russ.)

Kormilov S. I. Belletristicheskaya pushkiniana kak nauchnaya problema [Fictional Pushkiniana as a Scientific Problem]. In: Belletristicheskaya pushkiniana XIX–XXI vekov [Fiction about Pushkin in the 19th – 21th centuries]. Pskov, PSPI Press, 2004, pp. 5–32. (in Russ.)

Kozmin V. S. S. Geychenko kak soavtor B. Sh. Okudzhavy [S. S. Geychenko as co-author B. S. Okudzhava]. In: Materialy XVI Fevral'skikh chteniy pamyati S. S. Geychenko "Khraniteli" [Materials of the XVI February conference in memory of S. S. Geychenko "Guardians"]. Mikhaylovskoe, Pushkinskiy Zapovednik Publ., 2013, pp. 127–146. (in Russ.)

Kulagin A. V. Lirika Bulata Okudzhavy [Bulat Okudzhava's Lyrics]. 2 ed., reworked. Moscow, Bulat Publ., 2019, 178 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Pushkin [Pushkin]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1995, 847 p. (in Russ.)

Lotman Yu. M. Pis'ma [Letters]: 1940–1993. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006, 800 p. (in Russ.)

Muravyeva O. S. Obraz Pushkina: istoricheskiye metamorfozy [The Image of Pushkin: Historical Metamorphoses]. In: Virolaynen M. N. (ed.). Legendy i mify o Pushkine [The Legends and Myths about Pushkin]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1995, pp. 113–133. (in Russ.)

Novikov Vl. Dvadsat' dva mifa o Pushkine (1799–1999) [Twenty-two myths about Pushkin]. In: Novikov Vl. Roman s literaturoi [Romance with Literature]. Moscow, Intrada Publ., 2007, pp. 6–19. (in Russ.)

Platt J. B. Hello, Pushkin!: Stalinist Cultural Policy and the Russian National Poet. Transl. by Ya. Podolny. St. Petersburg, European Uni. Press, 2017, 352 p. (in Russ.)

Rassadin S. B. Vremya stikhov i vremya poetov [Time of poetry and time of poets]. *Arion*, 1996, no. 4, pp. 18–29. (in Russ.)

Yablokov E. Khudozhestvennyi mir Mikhaila Bulgakova [Art world of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001, 424 p. (in Russ.)

List of Sources

Akhmadulina B. Struna [String]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1962, 120 p. (in Russ.)

Bulgakov M. A. Dramy i komedii [Dramas and comedies]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1965, 596 p. (in Russ.)

Bulgakov M. A. Master i Margarita [The Master and Margarita]. Novel. The First Book. *Moskva*, 1966, no. 11, pp. 7–127. (in Russ.)

Evtushenko E. Nezhnost' [Tenderness]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1962, 192 p. (in Russ.)

Okudzhava B. Mart velikodushnyi [Magnanimous March]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1967, 144 p. (in Russ.)

[Okudzhava B.] Iz besed s I. Rishinoy [Conversations with I. Rishina]. In: Bulat Okudzhava: Special edition [Literaturnaya gazeta], 1997, [July 21], p. 18. (in Russ.)

Pushkin A. S. Complete works. In 10 vols. 2nd ed. Moscow, AS USSR Publ., 1956, vol. 2, 462 p.; 1957, vol. 3, 558 p.; vol. 4, 595 p.; vol. 5, 638 p.; vol. 6, 839 p. (in Russ.)

Samoilov D. S. Pamyatnye zapiski [Memorandums]. Ed. by G. I. Medvedeva, A. S. Nemzer. Moscow, Vremya Publ., 2014, 704 p. (in Russ.)

Smelyakov Ya. Selected Works. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, vol. 1, 334 p. (in Russ.)

Tsvetayeva M. Selected Works. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1965, 812 p. (in Russ.)

Tsvetayeva M. Pis'ma k Anne Teskovoy [Letters to Anna Teskova]. Jerusalem, Versty Publ., 1982, 214 p. (in Russ.)

Voznesensky A. Stikhotvoreniya i poemy [Verse and Poems]. In 2 vols. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ.; Vita Nova Publ., 2015, vol. 1, 536 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Александровна Александрова, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 55336606000

WoS Researcher ID Q-3981-2018

SPIN 2077-3141

Information about the Author

Maria A. Aleksandrova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 55336606000

WoS Researcher ID Q-3981-2018

SPIN 2077-3141

Статья поступила в редакцию 02.10.2025;

одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 08.12.2025

The article was submitted on 02.10.2025;

approved after reviewing on 08.12.2025; accepted for publication on 08.12.2025

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-62-77

Сюжеты сновидений в прозе хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей

Наталья Алексеевна Непомнящих

Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Аннотация

Предметом исследования стали сюжеты сновидений в произведениях авторов, представителей коренных народов Севера и Сибири: эвенкийских – А. Немтушкина и Г. Кэптукэ, хантыйских – Е. Айпина, Т. Молдановой, мансийских – П. Чейтметова и О. Кошмановой. Сновидческие мотивы и сюжетные ситуации в книгах названных авторов можно разделить на несколько условных групп, исходя из их функций и семантики. Все они связаны как с традиционной национальной культурой, так и с русской и мировой литературной традицией. Результаты: на основе семантики и функции снов в творчестве названных авторов можно выделить три группы литературных сновидческих мотивов: 1) сны, служащие средством коммуникации с вестником или потусторонними силами: в сон приходит вестник / представитель иного мира с целью передать информацию; 2) сны-путешествия в иные миры; 3) сны-предсказания: а) беды для отдельного человека или б) целого народа. Эти сны могут включать в себя мотивы двух предыдущих разновидностей, однако их отличает форма, в которой сновидец получает предупреждение: чаще всего это не слова, а образы, и для их передачи ни путешествия, ни вестники из иных миров не нужны. Сны, изображенные в исследуемых художественных произведениях, чаще всего принадлежат к двум последним вариантам: предсказание беды для отдельного человека или предупреждение о гибели целого народа. Писатели наделяют героев снами, не только требующими толкования другими (персонажами / читателями), но и дающими оценку происходящему как в тексте, так и в «за-текстовой» реальности, которая ощущается авторами как кризис их традиционных культур. Этим объясняется частота сюжетов из третьей группы: писатели, опираясь на традиционные образы и мотивы, ставят перед собой задачу сохранения родной культуры, а потому превращают сновидения в аллегорические предупреждения для читателей.

Ключевые слова

мотив сна, сюжеты сновидений, пророческие сны, эвенкийская литература, хантыйская литература, мансийская литература

© Непомнящих Н. А., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 62–77

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 62–77

Для цитирования

Непомнящих Н. А. Сюжеты сновидений в прозе хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 62–77. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-62-77

Plots about Dreams in Khanty, Mansi and Evenki Writers' Works

Natalya A. Nepomnyashchikh

Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

nat.mir.dekabr@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5958-0554>

Abstract

The subject of this research is plots about dreams in the works of Siberian Indigenous authors: the Evenki writers A. Nemtushkin and G. Ketuke, the Khanty writers E. Aipin and T. Moldovanova, and the Mansi writers P. Cheimetov, O. Koshmanova. Oneiric motifs and situations in the books of these authors can be divided into several groups depending on their functions and semantics. All of them are related to the respective Indigenous people's cultures as well as to the Russian and the world literature traditions. Results: Based on the semantics and functions of dreams in the works of the authors mentioned above, the literary oneiric motifs can be divided into three groups: 1) dreams as means of communication to otherworldly powers or messengers: a representative of the other worlds appears in a dream in order to pass a message, 2) dreams as journeys to other worlds, 3) dreams as prophecies of misfortune for an individual or a whole nation. The dreams of the third group can include the motifs of the two other groups. However, they are different in the form in which a warning is conveyed to a dreamer: it's more often communicated directly through images without words, and there is no need for a messenger or a journey to other worlds. The dreams of the third group are more common in the mentioned authors' works: they either predict misfortune to a person or to a whole nation/population. Authors endow their characters with dreams that require interpretation from other characters and readers alike as well as use the dreams a way to express their views on what's happening both in their texts and in the "beyond-text" reality, which is usually perceived by authors as crisis of their traditional culture and society. The popularity of the dreams of the third group is due to this perception: the writers set themselves the goal of preserving their cultures by means of traditional motifs and images and use the dreams as allegorical warnings for readers.

Keywords

plots about dreams, oneiric motifs, prophetic dreams, Evenki literature, Khanty literature, Mansi literature

For citation

Nepomnyashchikh N. A. Plots about Dreams in Khanty, Mansi and Evenki Writers' Works. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 62–77. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-62-77

Введение

Предмет исследования – сюжеты сновидений в прозе авторов, представителей коренных народов Севера и Сибири, писавших о своих народах по-русски: эвенкийских – А. Немтушкина и Г. Кэптукэ, хантыйских – П. Чейтметова, Е. Айпина, Т. Молдановой, мансийской писательницы О. Кошмановой. Они стали известны во второй половине XX в., когда становится актуальной проблема сохранения родной культуры и потому рождаются книги, осмысляющие весь многовековой опыт коренных народов на фоне тех глобальных изменений, что произошли в их жизни на протяжении двадцатого столетия. Именно они стали материалом для этого исследования.

Методы

Сновидения – известный литературный прием, сновидческие мотивы разнообразны, сны внутри произведения могут реализовывать самые разные авторские интенции и сюжетные функции, чему посвящено огромное количество научных работ: психоаналитических, философских, литературоведческих и др. В литературном творчестве названных писателей такие сюжеты и мотивы восходят сразу к нескольким источникам: мифологии и фольклору, поверьям и толкованиям снов в их национальных культурах, а также, поскольку речь идет о словесном творчестве, к русской и мировой литературной традиции, которую уже не могли игнорировать образованные авторы. В связи с этим необходимо учитывать тот факт, что изучение сновидений в литературном творчестве подобных писателей иногда может потребовать междисциплинарного подхода, и здесь неоценимый вклад был сделан авторами междисциплинарного сборника «Антропология сновидений» (РГГУ, 2021), во введении к которому составитель и редактор пишет о том, что «личные рассказы об измененных состояниях сознания и сновидениях по крайней мере до некоторой степени конструируются культурой» [Лазарева, 2021, с. 12].

Опираясь на формулу Ю. М. Лотмана «сон – семиотическое окно», подразумевающую, что сон в структуре художественного произведения всегда будет «текстом в тексте» и «текст ради текста» [Лотман, 2004, с. 123, 124], отметим также тезис О. В. Федунинной, автора книги «Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции)» [2013], говорящий, что содержание литературного сна всегда есть «определенный комплекс мотивов, входящий в состав его инвариантной структуры», а «сны персонажей не только раскрывают их внутреннюю жизнь, но и имеют собственный сюжет» [Там же, с. 25]. Она называет повторяющийся в сновидениях романов первой трети XX в. мотив невозможности бегства во сне, а также отмечает, что «типическими для литературных сновидений можно считать также мотив смерти во сне и мотив превращения, изменения внешнего облика героя-сновидца или других персонажей в мире сна» [Там же, с. 31]. Эти выводы сделаны на другом материале, тем интереснее отметить, что в книгах упомянутых нами писателей типичны другие мотивы.

Е. Г. Чернышева, исследуя фантастическую повесть, называет такие сюжетные «функции “онирических мотивов”, как ретроспекция событий; “параллельный” реально-бытовому, эмпирическому событийный ряд; развернутое в цепи ирреальных событий предупреждение, направляющее события яви по иному пути; про-

гноз, оправдывающийся в реальности, а потому в какой-то мере дублирующийся в сюжете» [Чернышева, 2000, с. 18–20]. Из названных стоит отметить прогностическую функцию сна, потому что она чаще других встречается среди искомым. Задача этого исследования – очертить круг устойчивых сюжетов и мотивов сновидений, выявить и систематизировать которые позволяет мотивный анализ.

Содержание исследования

В литературном творчестве писателей, представителей народов Севера и Сибири, сновидческие мотивы встречаются часто, но они еще не изучены системно, а потому сначала необходимо ответить на вопрос: какие сюжеты и мотивы сновидений в целом встречаются в их прозе, насколько они уникальны / типичны, есть ли в них устойчивая сюжетная структура? Поскольку фольклорные источники этих мотивов пока нами не были рассмотрены, этот очерк представляет обзор повторяющихся у разных авторов мотивов и сюжетов, структуру сюжетов, их состав, но не их генеалогию.

Т. Молданова, хантыйская писательница и этнограф, связывает сны с мировоззрением народа. В жизни сны расшифровываются носителями культуры «в контексте представлений данной этнической группы» [Молданова, 2006, с. 37]. Элементы содержания снов обобщаются и группируются в соответствии с их толкованием внутри общего семантического поля традиционной культуры. По ним можно реконструировать работу мифологического сознания, заимствование чуждых культуре элементов и т. д. Ее классификация сновидений в культуре народа ханты делит все сны на четыре группы. Они подразделяются на несколько видов: «простое сновидение» (*ал вэлум*), «прямое сновидение» (*тунг вэлум*), «сбывающееся сновидение» (*йинумты вэлум*), «ясновидящее (истинное) сновидение» (*сэри вэлум*). «Простое сновидение» не требует расшифровки, считается, что такие сны ничего не значат. При «прямом сновидении» «душа» уходит в будущее, но не в иной мир. Иногда «некто» сам приходит из будущего и несет весть, такие сновидения обычно носят бытовой характер. Особенность «сбывающихся сновидений» в том, что его образы требуют расшифровки, так как они символизируют нечто иное, чем увиденное во сне. В этих снах «душа» странствует как во времени, так и в пространстве, может уходить в иные миры. Этот вид сновидений отличается большим эмоциональным воздействием на сновидца. Четвертый вид сновидений – «истинные сновидения», которые можно также перевести как правдивые, безошибочные, ясновидящие, имеют в культуре хантов наиболее высокий статус. Считаются, что они снятся не каждому человеку, а особо одаренным в этом плане людям. Специфика этих сновидений в том, что образы, которые часто интерпретируются как божества высокого ранга, потрясают людей. Полагают, что в подобных снах, предсказываются грядущие события, значимые не для отдельного человека, а для социальных групп различного уровня – от семьи до «всего мира» [Там же, с. 39–42].

Сны в исследуемых художественных произведениях принадлежат именно к двум последним группам: простые бытовые сны в книгах не встречаются, писатели наделяют героев снами, требующими толкования другими (персонажами / читателями), и сон персонажа – это «текст в тексте», помогающий не только вы-

страивать сюжет в необходимом автору русле, но и давать оценку происходящим событиям.

Сновидческие мотивы и сюжетные ситуации в книгах названных авторов можно разделить на несколько условных групп, исходя из их функций и семантики. Все они связаны как с традиционной национальной культурой, так и с русской и мировой литературной традицией. Во многих встречается мотив предупреждения или предсказания во сне, однако другие мотивы могут отличаться, потому сюжеты разные. На основе семантики и функции снов в творчестве названных авторов можно выделить три группы литературных сновидческих сюжетов.

1. Сны, служащие средством коммуникации с потусторонними силами: в сон приходит вестник / представитель иного мира с целью передать информацию (иногда это предсказание, но не обязательно именно оно).

2. Сны-путешествия в иные миры (чаще Нижний мир), где возможна встреча с представителями иного мира и получение важной вести / информации от них (чаще всего предупреждение или предсказание).

3. Сны-предсказания – сны, предвещающие беду для отдельного человека (а) или целого народа (б). Эти сны могут включать в себя мотивы двух предыдущих разновидностей, однако их отличает форма, в которой сновидец получает предупреждение: чаще всего это не слова, а образы, и для их передачи ни путешествия, ни вестники из иных миров не нужны.

1. Сон – способ коммуникации с представителями иного мира

Общение с мертвыми посредством сна – традиционный сюжет в фольклоре разных народов, неудивительно, что он переходит и в литературу. Чаще всего в таких сюжетах живые получают вести или предупреждения / предсказания от мертвых. У живого может быть вопрос, требующий разрешения, а родственники из мира мертвых помогают найти ответ. Такой эпизод есть в рассказе А. Немтушкина, который существует под двумя названиями: «Последняя воля шаманки»¹ и «Старуха Лолбикта»: пожилая женщина, в прошлом шаманка, уже хочет уйти в Нижний мир. Она осталась последней в своем роду, но духи никак не заберут ее, и тогда она пытается найти ответ на свои чаяния во сне:

Еще зимою Лолбикта, как бабушка Амикан, предавалась спячке, дремоте и если видела сны, то подолгу раздумывала, что они значат. Во сне она выпрашивала у мужчин, некогда беспрекословно подчинявшихся ей, кусочек мяса, но они отказывали ей. Не хотели они принимать ее в свое сообщество, убегали. Как уж она ни молила, ни грозила – все бесполезно. Наконец-то увидела своего молчаливого, все понимающего мужа. Он ей всегда все прощал и там, видимо, простил. Он поцеловал ее, даже поцеловал. С каким радостным чувством она проснулась! (Немтушкин, 2005, с. 252).

Люди, которых шаманка когда-то знала и теперь встречает в Нижнем мире – царстве мертвых, не хотят ее символически угостить. Только муж принимает, что для нее означает: ее черед присоединиться к нему пришел, а значит, ее ожидание

¹ Немтушкин А. Последняя воля шаманки. Рассказ // Эвенкитека. URL: <https://www.evenkitek.ru/stellages/prose/poslednyaya-volya-shamanki/> (дата обращения 05.12.2023). Текст совпадает с текстом бумажного издания во всем, кроме названия.

собственной смерти заканчивается – она может отправляться туда, что и предпринимает.

В повести Т. Молдановой «Средний мир Анны из Маланга» героиня тоже вспоминает всю свою жизнь, готовясь к переходу в Нижний мир. В одном из эпизодов, будучи еще молодой женщиной, она видит во сне мужа, которого арестовали и забрали из стойбища и о судьбе которого ей приходится только догадываться. Он приходит к ней во сне – проститься, говорит ласковые слова и предрекает ей прожить еще долго, обещая, что будет ждать ее. Так Анна понимает, что именно в это время ее муж покинул мир живых. Он велит ей крепиться и жить вопреки трудностям и отчаянным мыслям: «Хорошо выспалась женщина в эту ночь, а утром развела третий поминальный костер» (Молданова, 2016а, с. 375). Женщина, до того потерявшая сон от горя, наконец погрузилась в сон и увидела там умершего мужа-вестника, преодолела свое вынужденно бодрствующее, тяготящее ее бессонное состояние («глухарка сна улетела от нее»), а затем справилась со всеми страшными испытаниями, которые ей предстояли на протяжении последующих сорока лет жизни. Именно этот сон становится ключевым, переломным моментом в ее судьбе: она борется за себя и детей, понимая, что помощи больше ждать неоткуда, и тем самым исполняет завет умершего мужа.

Еще один традиционный мотив – общение с представителями потусторонних сил во сне. Примером такого сновидения может служить сон главного героя из повести О. Кошмановой «Кричи сразу» (продолжение повести «Лесбег»). Эта повесть наполовину состоит из фольклорных быличек, которые рассказывают бабка Настасья и дед Егор: все они о встрече деревенских жителей с Хозяином тайги, Лесбегом, или Хумполэн-комполем – фольклорным хантыйским персонажем, оберегающим тайгу. Он суров к нарушителям лесного покоя и пугает жителей деревни.

Главный герой, впечатленный встречей с Лесбегом в детстве, становится егерем и охраняет вверенный ему участок тайги от браконьеров и рубщиков леса, он хочет, чтобы на его участке тайга процветала, как в былые прекрасные времена, когда люди еще не рассорились с лесным Хозяином. Он мечтает встретить Хумполэн-комполя, совершает обряды, как велит ему дед Егор. И наконец тот во сне вступает в молчаливое общение с героем посредством мыслей и образов. Он предупреждает егеря о ненастье и буре, просит уступить ему на время лесную сторожку. Когда парень выполняет его просьбу, Лесной хозяин, вознаграждая героя, берет егеря и земли, ему вверенные, под свое покровительство.

В этом сновидении есть элемент пророческих снов, сюжеты которых распространены в фольклоре многих народов [Лазарева, 2020], – лесной дух дает знак о предстоящей непогоде, предупреждая героя. Кроме того, у этого сна есть дополнительная функция испытания: лишь «истинный лесной человек» поймет молчаливые образы, посланные хозяином тайги, и не только правильно их интерпретирует, но и правильно поступит, проявляя уважение к тому, кто вступил в контакт посредством сна. Однако сам способ общения Лесбега с героем во сне – прием уже чисто литературный. Несмотря на то, что Хумполэн-комполь описан как подлинный персонаж хантыйского фольклора, он здесь одновременно и распространенный в жанре детской повести литературный образ мудрого наставника-защитника, что выходит за рамки устного народного творчества – несказочной

прозы о встречах с лесным / болотным духом в тайге. В книге он наделен самосознанием, психологическим портретом и даже семьей, а его молчаливое присутствие и бессловесное образное общение во сне с главным героем становится частью сюжета во второй части и благополучно разрешает конфликт, возникший между людьми и Хумполэн-комполем.

Полная сюжетная схема сновидения-общения с представителями иных миров выглядит так: *герой / героиня засыпает и видит сон – во сне он / она видит либо умерших ранее людей, либо представителей иных миров, духов, олицетворяющих какие-то потусторонние силы – вступает с ними в контакт (вербальный или невербальный) – получает от них весть / предупреждение / знак / просьбу, которые необходимо истолковать и поступить, как предписано – персонаж просыпается и осознает, что произошедшее происходило во сне – персонаж выполняет волю тех, кого видел во сне – получает вознаграждение / обещанное, предсказанное.*

2. Сны-путешествия в иные миры

Еще одна традиционная функция сна – это сны-путешествия в иные миры, в этих мирах могут встречаться разные субъекты и сущности, однако специфика таких снов в преобладании в сюжете самого процесса перемещения: движение, обстановка вокруг, предметы и люди, но, даже если случился какой-то контакт, в центре внимания не общение, а сам путь и те метаморфозы, которые происходят с героем в результате.

Путешествия в иные миры осуществляются не только при помощи сна, шаманы могут путешествовать туда иначе. Примером, когда оба эти мотива соединяются в один, служит рассказ А. Немтушкина «Последняя воля шаманки», где сон – мотив сюжетообразующий. Прежде чем уйти в Нижний мир навсегда и передать свой дар племяннице, шаманка совершает туда самостоятельное десятидневное путешествие посредством осознанного сновидения. При этом для окружающих людей она находится в странном оцепенении: они не понимают, жива та или уже нет. По пути в Нижний мир шаманка встречает умерших людей, включая мужа, т. е. получает возможность во сне общаться с уже ушедшими. Окружающие молодые люди, несмотря на ее предупреждение не хоронить, не поверили в возможность сновидческого путешествия и решили на десятый день, что старуха умела. Родственники организуют похороны. На похоронах же шаманка вдруг просыпается, напугав всех:

Я побывала там, откуда мы приходим в этот мир. Повидалась со всеми, живут там с оленями, охотятся, ходят в походных нарядах... Я долго не могла переплыть родовую дорогу-реку, старушки не пускали, говорят, ты еще не наша... Маичу искала, эрэ, все кости устали... (Немтушкин, 2005, с. 257).

Только объявив свою последнюю волю, как по обряду ее нужно похоронить и где, шаманка уже по-настоящему отправляется в Нижний мир. Во сне, чтобы попасть к мертвым, шаманка должна преодолеть символическую границу – реку, за которую ее пока не пускают. Это важный момент в сюжете снов-путешествий: во время такого сна возникает препятствие, рубеж, отделяющий наш мир от ино-

го. Преодолев границу и побывав там, за чертой, недоступной другим, персонаж получает новое качество.

В этом рассказе сон должен продемонстрировать силу традиционных верований, подтвердить необыкновенные способности шаманов, показать древние традиции, которые не всегда признаны современниками. А. Немтушкин стремится запечатлеть обычаи утрачиваемой в конце XX в. эвенкийской культуры, потому в его рассказах шаманы подробно поясняют происходящее, иногда буквально совпадая с этнографами [Непомнящих, 2015а]. Ему важны все ушедшие из жизни обряды, типажи, характеры. Сюжет сна-путешествия, таким образом, превращается в единственно возможный для писателя способ показать эвенкам их прошлое. Для персонажа это сон-путешествие, а для читателя еще и сон-ретроспекция. Тем же смыслом наделяет сон в финале его главной автобиографической повести о детстве «Мне снятся небесные олени»: «Мне часто видится одна и та же картина, снится все тот же сон: ты стоишь в темноте и кричишь: “Небесные олени, вернитесь!” Я уверен – они вернуться к тебе, Амарча» (Немтушкин, 1987, с. 149). Писатель возвращает их, но уже как взрослый, на страницах своих книг.

В рассказе Г. Кэптукэ главный герой, некогда бросивший родные места, возвращается на эвенкийскую землю. Он помнит голос, который в юности при его блужданиях по тайге (герой тогда сбежал из интерната), рассказал ему о нити времен, связующей мир воедино: тогда он услышал слова, посвятившие его в тайну гармонии мира, да он их позабыл. Теперь он снова хочет их знать и вот в тайге видит сон, переносающий его в виде небольшого паучка в мир предков. Героя зовет звук шаманского пения, устремляясь за ним, он видит раздвоенную скалу, которую ему приходится преодолевать:

Скала эта раздваивалась на две вершины. «По какой же вершине ползти-взбираться? Если я в неизвестном мне мире, то нужно делать все наоборот, налево, не так, как на средней земле...» Полз он довольно долго и вдруг стал слышать звуки пения и танцев. Вершина скалы была огромной и плоской, как целая земля. Здесь играли, пели и танцевали молодые и старые эвенки. Здесь был какой-то праздник, все водили большой хоровод... (Кэптукэ, 1990, с. 43).

Во сне герой понимает, что он в другом мире. Своим присутствием он нарушает его гармонию, прерывает обряд. Пение и хоровод останавливаются. Даже в виде паучка в нем признают человека из другого мира. Тогда Анатолий, отвечая на вопрос, зачем он сюда пришел, спрашивает старого эвенка о сути жизни: в чем она? И старик говорит:

Суть жизни проста, светла как солнечный луч-гарпа: все едино в нашем великом мире, все имеет один корень, и потому живи, рождая потомство, любя, как себя, всё в этом мире. Храни корень человека, не давай ему загнить нехорошими делами и свершениями. Храни жизнь, в каком бы облике она ни была (Кэптукэ, 1990, с. 44).

Герой просыпается в своей палатке и осмысляет услышанное. Дальше происходит чудо: на его глазах раскалывается дерево, и он находит внутри него «грозовой камешек»-талисман взамен того, что сжег когда-то:

«Нет, путешествие ночью в землю Ирай Буга действительно было, – думал Анатолий... – Но зачем кто-то повел меня в путешествие? Затем, чтоб узнать, что говорил мне тот старик? Так, может, в этом и есть моя небесная Нить жизни и судьба-маин? Но что, что я могу сделать?!» (Кэптукэ, 1990, с. 45).

Этими открытыми вопросами заканчивается рассказ, однако возвращение «блудного» героя к истокам совершенно, из иного мира он вернулся очищенным от прежней ноши своих грехов и задумавшимся о сути жизни.

Сюжетная схема в полной ее версии такова: *герой / героиня засыпает и отправляется в путешествие в иной мир – он / она должен преодолеть препятствие / границу миров, чтобы туда попасть – персонаж возвращается из другого мира в новом качестве, приобретенном в процессе путешествия.*

3. Сны-предсказания, предвещающие гибель или беду для отдельного человека или целого народа

Третья, самая большая группа – это сны, предвещающие несчастья как отдельному человеку, так и целому народу. Внимание к таким снам велико в каждой культуре: пророческие сны фиксируются с самых ранних времен человечества. Их можно назвать снами, претендующими на роль «истинных» или «ясновидческих», если напрямую использовать терминологию Т. Молдановой применительно к сновидческим нарративам, создаваемым в художественных текстах. В книгах писателей такие сны имеют прогностическое значение, это сны, предвещающие гибель или беду для отдельного человека или целого народа, они могут разрастаться до видения апокалиптического характера, как это происходит в поэме якутского поэта А. Кулаковского «Сон шамана» (1910) или в повестях современных авторов.

Важно, что сон подобного рода в тексте уже не воспринимается ни самим рассказчиком, ни персонажами, ни читателем как мистическое или потустороннее видение: сюжет сна, его события всегда интерпретируются исходя из актуальной реальной ситуации, т. е. сон скорее становится рациональным комментарием к происходящему: «Так, в поэме А. Е. Кулаковского “Сон шамана”, где наиболее полно выражены социальные и философские взгляды автора, архаический образ главного героя – шамана – может преодолевать пространственные и временные дистанции, в то же время он выступает и как реальный, размышляющий о своем конкретно-историческом времени мудрый старец. В этом плане мифологическое начало органически сливается с действительным содержанием и не нарушает фабульной стройности сюжета произведения» [Сивцева-Максимова, 2013, с. 136]. Таким образом, эти сны скорее выглядят как поучения писателей, их предупреждения, цель которых – заставить читателя задуматься о происходящем.

Сон-предсказание несчастья отдельному человеку можно разделить еще на две разновидности: сон предсказывает неудачу / несчастье на охоте или сон предсказывает какую-то иную беду. Как правило, вещие сны охотников встречаются в связке с сюжетной ситуацией охоты. Обычно такой сон снится герою, нарушившему один из древних заветов или обычаев, и предсказывает ему беду в качестве наказания за нарушение запрета.

Так, один из героев рассказа П. Чейметова «Два охотника» Василий не хочет соблюдать лесных обычаев своего спутника Трофима, с насмешкой относится к его просьбе благодарить солнце, небо, лес за богатую добычу. Ночью ему снится сон, который герой называет «страшным», как он попадает под скачущего коня. Утром на охоте его чуть не затаптывает лось, убить которого у охотника-новичка не хватает сноровки. Вечером, обсуждая события дня, Трофим приходит

к выводу, что сон был в руку. Однако между охотниками возникает спор насчет достоверности сновидений. Василий говорит, что «сон – вещь пустая» (Чейтметов, 2016, с. 431), ничего на деле не сбывается. Возможно, он незнаком с «истинными сновидениями» и их ролью в жизни хантов, потому что он не хант, а русский, к тому же он в целом скептически настроен по отношению ко всему потустороннему. Трофим же, хант, соблюдающий на охоте все требуемые обычаи, рассказывает ему один из своих снов, который ему когда-то растолковали как сон к богатству, однако он почему-то «после того двадцать лет жил и не разбогател». Это поселяет в нем некоторые сомнения, которые приведут его в итоге к вступлению в колхоз. Здесь для автора важен момент не только разоблачения предсказывающей силы сна, но и опровержение веры героя-ханта, который из «тьмы заблуждений» должен прийти к единственно верному мировоззрению «советского человека», вливающегося в многонациональный коллектив, оставив предрассудки прошлого, о чем свидетельствует финал.

Однако даже при всем этом в рассказе нет однозначной оценки, ложности / правдивости сновидений, а явный параллелизм в сюжете, когда события во сне повторяются потом в событиях, происходящих с героями наяву, скорее говорит в пользу «истинности» снов. Рассказ интересен тем, что автор в нем как будто подвергает сомнению и перепроверке те ценности традиционной хантыйской культуры, что были оттеснены на периферию в советское время, именовались «пережитками прошлого» и суевериями. При этом подробно описаны традиционные обряды, приметы, которые соблюдает Трофим, т. е. описаны те самые культурные особенности, которые, несмотря на изъятие их из обихода и атеистическую пропаганду, все равно оставались в сознании: недаром хант пытается истолковать сон своего русского спутника в категориях своей культурной парадигмы и видит в нем предсказание для друга, даже если тот в подобное не верит.

В романе Е. Айпина «Ханты, или Звезда утренней зари» нет прямого нарушения каких-то обычаев на охоте, однако возникает похожий сюжетный параллелизм. После того, как юный охотник убивает белку, смерть которой стоит у него перед глазами, он видит сон. Эта убитая белка с каплями крови, бьющаяся в агонии, возвращается к нему во сне и превращается в безвременно погибшего отца. Гибель животного у Айпина часто становится предвестником гибели или несчастья в судьбе героя, не всегда этот мотив связан именно со сном, как в этом романе, но здесь эта параллель явлена именно во сне.

В повестях Т. Молдановой «Касания цивилизации» и «Средний мир Анны из Маланга» героиням часто снятся сны, предвещающие несчастья и смерти: каждый раз, когда должно случиться нечто плохое и кто-то должен умереть, этим событиям предшествуют пугающие злые сновидения, в которых героини безошибочно угадывают будущее. В начале повести «Средний мир Анны из Маланга» героиня, проснувшись, испытывает страх, понимая, что случится что-то ужасное, молитвы духам не помогают, в тот же день прибывают уполномоченные, которые арестовывают и увозят из стойбища мужчин, а также всё оружие и все припасы. Женщины и малые дети остаются зимой одни, им приходится выживать, они голодают, дети болеют и умирают один за другим. Сначала Анна теряет способность спать: ее «покидает глухарка сна», но затем сны возвращаются, и перед смертью каждого ребенка Анна видит сон, в котором образно представлена его гибель. Это может быть огромная раненая рыба, поднимающаяся из воды, все чувства и ощущение

ния которой передаются героине, или в кошмарах дети теряют руки, ноги, головы и рассыпаются на части. Одну из дочерей Анна отбила у страшных чудовищ, которые пытались попасть во сне в их жилище: она прогнала каждое и так сумела спасти ребенка. В повести «Касания цивилизации» страшный сон станет предвестием выкидыша и смерти героини.

Сюжетная схема в полной ее версии такова: *герой / героиня засыпает и видит сон, в котором присутствуют чудовища или необычные сущности, страшные образы животных, раненые живые существа – герой / героиня просыпается и понимает, что его / ее или их семью ждет несчастье – предпринимается попытка «отменить» несчастье: молитвы, обряды – несчастье приходит: умирает кто-то из детей, близких родственников или сама героиня / герой.*

Сон-предсказание бедствий целому народу или его гибели. С одной стороны, сны о гибели народа / мира представляют собой часть апокалиптического христианского сюжета, оказавшего огромное влияние и на другие культуры и мировую литературу, с другой же – они возможны не только в рамках христианского сознания. Здесь бывает сложно сказать, что именно первично, для каждого конкретного автора ситуация может различаться. В литературном творчестве писателей, представителей коренных народов, сновидения, предвещающие гибель герою, а в его лице и целому народу, как правило, представителем которого является сам автор, чаще всего тесно связаны с мотивами вины и утраты, составляя единый мотивный комплекс. Столь трагическая семантика снов касается по преимуществу современных произведений этих писателей и связана с общей культурной ситуацией и социальной политикой, с тем, что многие национальные языки, традиционный уклад переживают кризисную ситуацию. Помимо того, с конца XX в. происходит неизбежный пересмотр тех огромных социальных перемен, которым подверглась жизнь людей в целом и жизнь коренных народов Сибири в том числе в результате революции, коллективизации, репрессий, войн. Ситуация подведения итогов, рефлексии об истории коренных народов, трагических судеб многих находит отражение в литературном творчестве и иногда бывает представлена в форме сновидений героев книг.

Иногда неблагоприятный прогноз или предсказание напрямую выражено автором в толковании сна. Таков, например, финал в небольшом рассказе Алитета Немтушкина «Сон деда», где рассказчик говорит о своем дед:

Однажды он рассказал мне свой сон. Говорит: «Залаяли собаки на сохатого, и я погнался за ним. Не знаю, сколько гнался, но догнал и убил. Хотел обдирать, и мне почему-то стало жарко, как в летний день. Думаю, полежу в тени. Лег, и ко мне подходит какой-то русский мужчина в овчинном тулупе и говорит: “Давай меняться одеждой. Я тебе свой тулуп, а ты мне свою парку”. Смотрю, я, оказывается, в парке. “Тебе, – говорит, – еще очень долго ходить по земле. У твоих детей будут дети, у тех будут дети, у тех тоже народятся дети – вот сколько своих продолжателей рода увидишь. Но понимать их уже не будешь, будут они разговаривать по-русски. И одежда у них тоже будет русская. Ради бутылки водки они будут продавать унты, шапки, всю еду, лишь бы только утолить душу ‘веселящей водой’... Вставай, снимай с себя парку, вот тебе русский тулуп”. Приоткрываю глаза и вижу: уходит от меня мужчина с моей паркой. Не знаю, сон или явь это была. И я тоже теперь раздумываю, то ли выдумал этот сон мой дед, то ли правду говорил. Но похоже, что его сон сбывается. Мы становимся русскими, еда, одежда, жилище – всё

стало русское, а ребятишки не знают своего языка. Ничего эвенкийского в нас не осталось. И виноваты мы сами...²

Здесь сам рассказчик констатирует, что сон сбывается буквально: эвенки почти утратили язык и традиции предков. В сюжете сна есть не только предсказание будущего, но и упрек герою в том, что его дети и внуки уже не будут принадлежать родной культуре.

В прозе Е. Айпина мотив исчезновения традиций и в целом культуры хантов, гибели хантыйского народа – один из сквозных. В рассказе «Волки» этот мотив реализуется во сне героя. Л. Сязи подробно проанализировала сон охотника из этого рассказа и пришла к выводу, что «фантастический сон выглядит своего рода предсказанием судьбы этноса. Волки олицетворяют надвигающуюся цивилизацию, захватывающую земли Микуля. Автор выразил беды отдельного индивида, отражая настроение представителей этноса, символически обозначив будущее угасание хантыйского народа» [Сязи, 2016, с. 73]. Позиция Е. Айпина, переживающего утрату хантыйской традиционной культуры, загрязнение родовых пастбищ и разорение святилищ, тоже легко считывается в образах сна героя.

В повести Т. Молдановой «Касания цивилизации» во сне главной героини масштабы гибели приобретают поистине апокалиптический характер: Татьяна видит сон, в котором страшная мгла, чернота поглощает всё вокруг – от нее некуда спрятаться: «Смертельная мгла уходит в бесконечность... пожирает Землю и Небо» (Молданова, 2016б, с. 362). Этот сон приходит в благополучное время, героиня узнает, что наконец-то беременна, но «непонятная тоска легла на сердце». Важно, что сопровождается все это гулом буровой вышки. Вскоре героиня видит в тайге просеку от перевозки буровой: варварски разоренный лес, где повсюду – «растерзанные обрубки деревьев», которые «тоже были когда-то людьми». Ей вдруг представляется страшное железное чудовище, пожирающее всё вокруг. В ту же ночь ей снится еще один страшный сон: посреди прекрасного летнего пейзажа возникает фигура отца ее ребенка – он весь перебинтован и из-под повязки сочится гной. Эти сны очень рациональны и прямолинейны: авторская позиция обозначена в них отчетливо, плакатно. В повести гнилая сущность современных хантов проявляется в забвении ценностей предков: это спивающиеся люди, утратившие моральные ориентиры и связь с природой, они не только допустили нашествие нефтяников, загрязнение тайги и тундры, но и сами участвуют в нем, что обрекает их на гибель. Вскоре это происходит с героиней: она теряет ребенка и умирает от начавшегося кровотечения. В финале «железная глыба» давит ей на грудь, и она видит ту же черноту, обволакивающую весь мир, кричит предсмертно дочери: «Спасайся!» Крик разнесся «по Вселенной», «а по хантыйским землям уверенно чеканила шаг глухая цивилизация» – такова заключительная фраза повести, не оставляющая никакой надежды (Молданова, 2016, с. 366).

В повести Г. Кэптукэ «Рэкет по-тунгусски» герой, которого звук шаманских песнопений приводит во сне к предкам, получает предупреждение о том, что «человек уже начал свой бег к смерти», т. е. к своему концу – исчезновению с лица Земли.

² Немтушкин А. Сон деда // Эвенкитека. URL: <https://www.evenkiteka.ru/stellages/prose/son-deda/> (дата обращения 07.11.2021).

В целом именно эта разновидность сюжета сновидений наиболее рационально выстроена авторами, имеет мало связи с фольклорными мотивами и чаще всего становится прямой назидательной аллегорией.

Сюжетная схема таких снов такова: *герой / героиня засыпает и видит во сне предупреждение о гибели народа или цивилизации в целом. Предупреждение может быть прямым – в речи какого-либо представителя иного мира, которого тот встречает во сне, а может принимать вид образа, чаще природного или похожего на природный феномен – при пробуждении герой пытается осмыслить увиденное / погибает.*

Выводы

Сюжеты снов имеют устойчивую структуру, воспроизводящуюся у разных авторов. Эта устойчивость, с одной стороны, задана мифологической и фольклорной традицией, которая в них отчетливо просматривается; с другой – писатели, хотя и опираются на традиционные для родных культур образы и мотивы, семиотически кодируют их в ключе, заданном авторской аксиологией.

По мысли Б. А. Успенского, «мифологический текст в условиях немифологического сознания... порождает метафорические конструкции», «в результате получается имитация мифа вне мифологического сознания» [Успенский, 1996, с. 445]. Сюжеты сновидений из книг хантыйских, мансийских и эвенкийских писателей словно иллюстрируют этот тезис: в упоминаемых книгах они хотя и связаны своей стереотипией с фольклором и мифологией коренных народов, их мировоззрением, посредством представленных в них образов и мотивов, но уже далеки от собственно мифологического сознания и не становятся попыткой его воссоздать в лице персонажей. Сюжеты упомянутых сновидений созданы писателями с иной целью: их образы и мотивы подчинены задаче сохранения народной культуры. Именно потому чаще других встречаются сновидения – предсказания трагической судьбы их народа или сны, которые можно понимать в контексте произведений как свидетельства пережитых героями испытаний, что согласуется с проблематикой кризиса традиционных культур, которой эти тексты посвящены, а также с логикой писателей, в чьем творчестве мотивы утраты и памяти становятся сквозными [Непомнящих, 2015б].

Сон – тот самый прием, что позволяет обратиться к прошлому и будущему, не отступая от актуальной для автора тематики настоящего, поэтому сюжеты снов обычно имеют прогностическое значение и предупреждают читателя не только о ходе действия, но и о его собственном будущем. В итоге сновидения в художественных текстах превращаются в иллюстрацию авторской позиции, дидактичны и в метафорическом / аллегорическом, а иногда и прямом виде транслируют авторское предостережение.

Список литературы

Лазарева А. А. Толкование сновидений в народной культуре. М.: РГГУ, 2020. 258 с.

Лазарева А. А. Вместо предисловия: об антропологическом изучении сновидений // Антропология сновидений. М.: РГГУ, 2021. С. 9–17.

- Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. 704 с.
- Молданова Т. А. Сновидения в культуре хантов // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 38–47.
- Непомнящих Н. А. Шаманские камлания в книгах А. Немтушкина, Г. Кэптукэ и Е. Айпина: соотношение «художественного» и «этнографического» в описаниях экстатического транса // Все восторги мира: экстаз в мировом искусстве и литературе. СПб.: ИРЛИ РАН, 2015а. С. 75–85.
- Непомнящих Н. А. Мотивы утраты, умирания, памяти в русской деревенской прозе и в русскоязычных произведениях писателей о коренных народах Сибири // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2015б. № 3 (122). С. 102–108.
- Сивцева-Максимова П. В. Поэтика классической якутской поэмы // Вестник Бурят. ун-та. 2013. № 10. С. 135–140.
- Сязи В. Л. Образы животных в прозе Е. Д. Айпина // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 65–75.
- Успенский Б. А. Избранные труды. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 608 с.
- Федунина О. В. Поэтика сна (русский роман первой трети XX в. в контексте традиции). М.: Intrada, 2013. 196 с.
- Чернышева Е. Г. Проблемы поэтики русской фантастической прозы 20–40-х годов XIX века. Благовещенск, 2000. 143 с.

Список источников

- Кошманова О. Кричи громче // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016. Т. 1: Мансийская литература. С. 134–152.
- Кэптукэ Г. И. Рэкет по-тунгусски // Полярная звезда. 1990. № 3. С. 14–45.
- Молданова Т. А. Средний мир Анны из Маланга // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016а. Т. 2: Хантыйская литература. С. 366–380.
- Молданова Т. А. Касания цивилизации // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016б. Т. 2: Хантыйская литература. С. 348–360.
- Немтушкин А. Мне снятся небесные олени. М.: Современник, 1987. 222 с.
- Немтушкин А. Избранное. Красноярск, 2005. 512 с.
- Чейтметов П. Два охотника // Литературное наследие обских угров. Ханты-Мансийск, 2016. Т. 1: Мансийская литература. С. 426–437.

References

- Chernysheva E. G. Problems of the poetics of Russian science fiction prose of the 1820s – 1840s. Blagoveshchensk, 2000, 143 p. (in Russ.)
- Fedunina O. V. Poetics of Sleep (Russian Novel of the First Third of the Twentieth Century in the Context of Tradition). Moscow, Intrada Publ., 2013, 196 p. (in Russ.)
- Lazareva A. A. Dream interpretation in folk culture. Moscow, RSUH Press, 2020, 258 p. (in Russ.)
- Lazareva A. A. Vmesto predisloviya: ob antropologicheskom izuchenii snovidenii [Instead of a preface: on the anthropological study of dreams]. In: Anthropology of Dreams. Moscow, RSUH Press, 2021, pp. 9–17. (in Russ.)

- Lotman Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 2004, 704 p. (in Russ.)
- Moldanova T. A. Snovideniya v kul'ture khantov [Dreams in the Khanty Culture]. *Ethnographic Review*, 2006, no. 6, pp. 38–47. (in Russ.)
- Nepomnyashchikh N. A. Motivy utraty, umiraniya, pamyati v russkoi derevenskoi proze i v russkoyazychnykh proizvedeniyakh pisatelei o korennykh narodakh Sibiri [Themes of loss, dying, and memory in Russian village prose and in Russian-language works by writers about the indigenous peoples of Siberia]. *North-Eastern Humanitarian Bulletin*, 2015, no. 3 (122), pp. 102–108. (in Russ.)
- Nepomnyashchikh N. A. Shamanskie kamlaniya v knigakh A. Nemtushkina, G. Keptuke i E. Aipina: sootnoshenie “khudozhestvennogo” i “etnograficheskogo” v opisaniyakh ekstاتического транса [Shamanic rituals in the books of A. Nemtushkin, G. Keptuke and E. Aipin: The relationship between the “artistic” and the “ethnographic” in descriptions of ecstatic trance]. In: *All the delights of the world: ecstasy in world art and literature*. St. Petersburg, IWL RAS Publ., 2015, pp. 75–85. (in Russ.)
- Sivtseva-Maksimova P. V. Poetika klassicheskoi yakutskoi poemы [Poetics of the classical Yakut poem]. *Bulletin of the Buryat University*, 2013, no. 10, pp. 135–140. (in Russ.)
- Syazi V. L. Obrazy zhyvotnykh v proze E. D. Aipina [Images of animals in the prose of E. D. Aipin]. *Bulletin of Ugro Studies*, 2016, no. 2 (25), pp. 65–75. (in Russ.)
- Uspensky B. A. *Selected Works*. 2nd ed. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1996, vol. 1: *Semiotics of History. Semiotics of Culture*, 608 p. (in Russ.)

List of Sources

- Cheitmetov P. Two hunters. In: *Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk*, 2016, vol. 1: *Mansi Literature*, pp. 426–437. (in Russ.)
- Koshmanova O. Shout Louder. In: *Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk*, 2016, vol. 1: *Mansi Literature*, pp. 134–152. (in Russ.)
- Keptuke G. I. Reket po-tunguski [Tunguska-Style Racketeering]. *Polar Star*, 1990, no. 3, pp. 14–45. (in Russ.)
- Moldanova T. A. The Middle World of Anna from Malang. In: *Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk*, 2016, vol. 2: *Khanty Literature*, pp. 366–380. (in Russ.)
- Moldanova T. A. Touches of civilization. In: *Literary Heritage of the Ob Ugrians. Khanty-Mansiysk*, 2016, vol. 2: *Khanty Literature*, pp. 348–360. (in Russ.)
- Nemtushkin A. I dream of heavenly deer. Moscow, *Sovremennik Publ.*, 1987, 222 p. (in Russ.)
- Nemtushkin A. *Selected*. Krasnoyarsk, 2005, 512 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Непомнящих, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID K6510-2017

Information about the Author

Natalya A. Nepomnyashchikh, Candidate of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID K6510-2017

*Статья поступила в редакцию 27.01.2026;
одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 20.02.2026
The article was submitted on 27.01.2026;
approved after reviewing on 20.02.2026; accepted for publication on 20.02.2026*

Рецензии

Рецензия

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-78-83

Рецензия на книгу:

Куликова Е. Ю. «Разбросанные по чужбинам, встречаемые здесь и там»: Восточное продолжение Серебряного века. – Новосибирск: Свинынь и сыновья, 2025. – 220 с.: 3 л. вкл.

Галина Владимировна Эфендиева

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

galina.efendiyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1834-4771>

Аннотация

Рецензия дает развернутую оценку монографии Е. Ю. Куликовой, посвященной литературе Русского Востока (Владивосток, Харбин, Шанхай). Автор подробно анализирует структуру и содержание работы, особо отмечая ее ключевой тезис о творческом переосмыслении традиций Серебряного века в условиях эмиграции (творчестве Б. Юльско-го, М. Щербакова, А. Ачаира, В. Перелешина, Л. Хаиндровой и др.). В центре внимания сильные стороны исследования: преодоление стереотипа о «вторичности» литературы Дальнего Востока, введение в научный оборот забытых имен, глубина филологического анализа и междисциплинарный подход. Подчеркивается научная новизна и концептуальная цельность монографии, признается ее значимый вклад в изучение культурного наследия русской диаспоры, отмечается, что в монографии Е. Ю. Куликовой задается новый стандарт для будущих исследований в этой области.

Ключевые слова

Е. Ю. Куликова, монография, Серебряный век, Дальний Восток, литература русского зарубежья, рецепция и трансформация

Для цитирования

Эфендиева Г. В. Рецензия на книгу: Куликова Е. Ю. «Разбросанные по чужбинам, встречаемые здесь и там»: Восточное продолжение Серебряного века. – Новосибирск: Свинынь и сыновья, 2025. – 220 с.: 3 л. вкл. // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 78–83. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-78-83

© Эфендиева Г. В., рец., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 78–83

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 78–83

Review of the Book:

Kulikova E. Yu. “Scattered in Foreign Lands, Encountered Here and There”: The Eastern Continuation of the Silver Age. – Novosibirsk: Svinin and Sons, 2025. – 220 p.: 3 ill.

Galina V. Efendieva

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

galina.efendiyeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1834-4771>

Abstract

This review provides a detailed assessment of E. Yu. Kulikova’s monograph devoted to the literature of the Russian East. (Vladivostok, Harbin, Shanghai). The author analyzes the structure and content of the work in detail the structure and content of the work, noting in particular its key thesis about the creative reinterpretation of the traditions of the Silver Age in the context of emigration (the works of B. Yulsky, M. Shcherbakov, A. Achair, V. Pereleshin, L. Khaindrova, and others). The focus is on the of the study: overcoming the stereotype of the “secondary” nature of Far Eastern literature, introducing forgotten names into scientific circulation, the depth of philological analysis, and an interdisciplinary approach. The review emphasizes the scientific novelty and conceptual integrity of the monograph, recognizing it as a significant contribution to the study of the cultural heritage of the Russian diaspora and setting a new standard for future research in this field.

Keywords

E. Yu. Kulikova, monograph, Silver Age, Far East, Russian émigré literature, reception and transformation

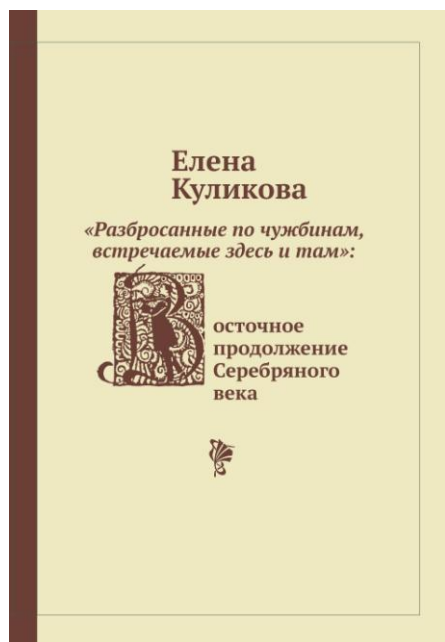
For citation

Efendieva G. V. Review of the Book: Kulikova E. Yu. “Scattered in Foreign Lands, Encountered Here and There”: The Eastern Continuation of the Silver Age. – Novosibirsk: Svinin and Sons, 2025. – 220 p.: 3 ill. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 78–83. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-78-83

Выход книги Е. Ю. Куликовой ««Разбросанные по чужбинам, встречаемые здесь и там»: Восточное продолжение Серебряного века» – значимое событие в современном литературоведении. Монография представляет собой концептуально выверенное исследование, вносящее весомый вклад в изучение литературы русского зарубежья. Книга посвящена комплексному анализу художественного наследия поэтов и писателей дальневосточной эмиграции и убедительно показывает, что традиции Серебряного века не только сохранялись в изгнании, но и получили новое, уникальное развитие в условиях культурного пограничья.

Структура монографии носит тематически-персонализированный характер, что позволяет детально рассмотреть различные аспекты этого феномена через призму творчества конкретных авторов. В книге рассказывается о целом ряде «скрытых от памяти потомков» имен и текстов: от прозаика Б. Юльского и поэта-этнографа М. Щербакова до авангардиста В. Рябинина и участника харбинской «Молодой Чураевки». Каждая глава представляет собой законченное исследова-

ние, в котором глубина литературоведческого анализа сочетается с широким литературным и историко-культурным контекстом.

Первая глава монографии является своеобразным ключом ко всей работе, наглядно демонстрируя методологию и глубину заявленного подхода. Автор сознательно берет в фокус фигуру Бориса Юльского, писателя, чье творчество в научной литературе прочно связано с «фронтирной мифологией» и восточной экзотикой русского Харбина. Но предлагает радикально иной ракурс, показывая, что «восточное продолжение Серебряного века» выражалось не только в освоении новых географических и культурных пространств, но и в сложной, многослойной работе с русской классической традицией в условиях эмиграции. Е. Ю. Куликова убедительно доказывает, что повесть Б. Юльского «Белая мазурка» – это сложный интертекстуальный конструкт, сознательная игра с кодами русской классики (Пушкин, Лермонтов, Бунин). Для Юльского, выросшего в Харбине, дворянская

усадьба – не биографическое воспоминание, а литературный миф, способ рефлексии об утраченной «книжной» России. Эта глава задает тон всей книге: литература восточной эмиграции рассматривается не как периферийный, этнографический феномен, а как полноценная и сложная часть русской литературной традиции, ведущая интенсивный диалог с предшественниками и создающая на этой основе уникальные художественные миры.

Вторая глава монографии представляет собой логичное и содержательное развитие заявленной темы. На примере книги стихов Михаила Щербакова «Отгул» автор демонстрирует, как дальневосточный вариант Серебряного века реализовывался через синтез искусств, ставший одной из ключевых черт эпохи модернизма. Е. Ю. Куликова рассматривает сборник Щербакова как целостный арт-объект, в котором стихи, экфрасисы (литературные описания произведений изобразительного искусства) и графические иллюстрации художника Михаила Урванцева образуют неразрывное единство. Она прослеживает генезис этой работы от «Фарфорового павильона» Н. Гумилева и «Храма Солнца» И. Бунина, показывая, что интермедийность стала для Щербакова, этнографа и путешественника, инструментом культурного освоения и осмысления «чужого» мира – будь то японский храм, египетский скарабей или готический витраж. Визуальная образность позволяет поэту «завернуть» древние культуры в новую поэтическую форму, выступая «медиумом мироздания».

Третья глава монографии – ««Зоологический код» в творчестве Михаила Щербакова» – развивает исследование поэтики этого автора, углубляясь в семантиче-

ское измерение художественного мира. Бестиарий Щербакова (от иринару до тигров и драконов) служит основой для фронтальной мифологии, где природа Дальнего Востока наделяется сакральным статусом, а столкновение с ней становится экзистенциальным испытанием. «Зоологический код» – не декоративный элемент, а системообразующая структура, соединяющая этнографическую достоверность, восточную мифологию и европейскую литературную традицию (от Кольриджа до Гумилева). А литература дальневосточного зарубежья – живая и сложная лаборатория по созданию новых художественных форм и смыслов.

Далее следует смелый и плодотворный поворот в исследовании. Если предыдущие главы были посвящены авторам, чье творчество так или иначе укоренено в традиции (Юльский, Щербаков), то здесь в фокус попадает фигура, стоящая на авангардном фланге литературы Дальнего Востока. Е. Ю. Куликова ставит перед собой непростую задачу: преодолеть однозначную трактовку Виктора Рябинина как «дальневосточного футуриста». Она считает, что его стихотворение «Самоубийство», безусловно, отмеченное авангардной эстетикой, является продуктом сложного диалога между футуризмом и поздним акмеизмом и сюрреализмом Николая Гумилева. Центральный тезис главы заключается в том, что на Дальнем Востоке происходило уникальное смысловое сближение этих, казалось бы, антагонистических поэтических систем, и Рябинин выступает ярким представителем этого синтеза.

Пятую главу своей книги Е. Ю. Куликова начинает с масштабного экскурса в историю европейского и русского увлечения экзотикой на рубеже XIX–XX вв. Она напоминает, что интерес к Востоку был универсальной чертой эпохи, будь то реальные путешествия (Гумилев, Бальмонт, Бунин) или «вычитанные страны». Этот контекст позволяет увидеть в опытах В. Рябинина (микроцикле «Японские акварели») не случайную дань моде, а осмысленную работу в ключевой парадигме модернизма. Его основное новаторство – в адаптации строгих европейских жанров и строф под японскую тематику. «Японские акварели» Рябинина – не наивное подражание, а сложная эстетическая игра, балансирующая между стилизацией и пародией. А его стихотворные эксперименты – полноценный вклад в богатую палитру ориентальных исканий Серебряного века, получивших свое особое, «дальневосточное» продолжение.

Следующая глава монографии играет роль смыслового центра. Она посвящена фигуре, которая, как убедительно демонстрирует автор, стала главным духовным ориентиром и творческим маяком для литературы восточной эмиграции – Николаю Гумилеву. Е. Ю. Куликова пишет о том, что поэт-воин, путешественник и жертва стал для эмигрантов «культурным героем». Этот тезис раскрывается в двух плоскостях: через анализ прозы Бориса Ильова («Летучий Голландец»), где гумилевская философия памяти и переселения душ превращается в сюжет, и через блистательный сравнительный разбор «китайской» лирики самого Гумилева и Валерия Перелешина. Если у первого Китай – прекрасная условность сна, то у второго – реальная «ласковая мачеха», источник сложной ностальгии по двум родинам.

В седьмой главе предлагается содержательное и детальное исследование фигуры Юрия Галича (Г. И. Гончаренко). Автор книги успешно соединяет биографию генерала-эмигранта с анализом его литературного творчества (стихотворной книги «Орхидея»). Трагическая судьба Гончаренко (военная карьера, эмиграция,

самоубийство) подается не как отдельный фон, а как ключ к пониманию мотивов его поэзии – бегства в «мир грез», тоски по утраченной родине, иронического дистанцирования. Обращаясь к «Орхидее», Е. Ю. Куликова скрупулезно выявляет и анализирует влияние на Галича Н. Гумилева, К. Бальмонта, И. Северянина, И. Бунина. Привлекает параллели с Бодлером («Цветы зла»), Гёте («Дикая роза», «Нашел»), что углубляет анализ и показывает Галича, как продолжателя традиций Серебряного века, в широком литературном контексте.

Вторая ось культурного притяжения поэтов русского Китая – Анна Ахматова – исследуется в отдельной главе монографии на примере поэзии Лидии Хаиндровой. Е. Ю. Куликова детально, до лексических и синтаксических совпадений, прослеживает ахматовские реминисценции, но акцентирует их творческое преломление: мотив трех родин (Грузия, Россия, Китай), апокалиптические образы, а в стихотворении «Тополиха» – переход к фольклорной форме плача.

Балладное начало ахматовской поэтики рассматривается и в следующей главе – об Алексее Ачаире. В ней автор демонстрирует, как жанровая память Серебряного века продолжает жить в иных географических и исторических условиях, как ахматовские «новеллистичность» и психологизм трансформируются в эмигрантском сознании. В этой главе Ачаир предстает как самодостаточный поэт, который, вступая в диалог с ахматовской балладной традицией и лермонтовским романтизмом, создает собственный, пронизанный тоской и призрачностью поэтический мир, отражающий экзистенциальный опыт эмигранта.

Следующим объектом рассмотрения после Алексея Ачаира становится поэтическая молодежь Харбина: ее коллективный срез представлен через анализ сборника «Семеро» (1931). Автор считает, что акмеистическая установка на предметность стала общим языком для харбинского кружка «Молодая Чураевка». При этом тонко дифференцирует влияние: у Наталии Резниковой и Нины Ильнек – ахматовская линия, у Николая Щеголева и Николая Светлова – пастернаковская метафоричность, у Михаила Шмейссера – гумилевская романтика пути.

Глава о Павле Булыгине является логичным и сильным финалом книги. На примере трагической и богатой на события судьбы офицера, следователя по делу царской семьи и поэта, жившего в Абиссинии, Е. Ю. Куликова показывает предельный, экзистенциальный вариант «продолжения Серебряного века». Африка Гумилева для Булыгина – не литературная тема, а миф, наложенный на реальность изгнания, ставший метафизическим прибежищем. Его «Чужие звезды» – это прямой диалог с «Чужим небом» Гумилева, где географическая экзотика превращается в пространство личной и творческой идентификации. На примере «маргинального» поэта-скитальца автор утверждает, что великая литературная традиция, перенесенная на чужую почву, не угасала, а давала жизненные и творческие силы, помогала сохранить идентичность и создавать художественные миры, в которых личная судьба преображалась в явление литературы.

К безусловным достоинствам работы относится детальная проработка того, как именно происходили рецепция и творческая трансформация ключевых традиций Серебряного века (акмеизма, футуризма) в инокультурной среде. Е. Ю. Куликова убедительно демонстрирует, что такие фигуры, как Гумилев и Ахматова, выступали не только как литературные ориентиры, но и как «культурные герои», помогавшие эмиграции обрести смысл и язык для описания своего трагического опыта.

Нельзя не отметить и блестящую ориентацию автора в современном научном поле. Е. Ю. Куликова последовательно вступает в содержательный диалог с ведущими специалистами по истории и культуре русского зарубежья и метрополии (А. А. Забияко, Е. О. Кирилловой и др.). Это позволяет ей, опираясь на достигнутые коллегами результаты в области архивной работы, биографики, историко-литературного контекста и т. п., сместить фокус на сугубо филологическую задачу – анализ поэтики и интертекстуального диалога. Ясный, насыщенный, но лишенный наукообразия язык Е. Ю. Куликовой делает ее работу доступной для широкого круга читателей, интересующихся русской культурой.

Книга «Разбросанные по чужбинам, встречаемые здесь и там»: Восточное продолжение Серебряного века» – это не просто сборник очерков, а целостное, продуманное и убедительное исследование. Оно вносит заметный вклад в изучение литературы Дальнего Востока и русского Китая, а также открывает новые перспективы для понимания как закономерностей развития русской культуры в изгнании, так и более общих процессов в истории отечественной литературы XX в.

Информация об авторе

Галина Владимировна Эфендиева, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Galina V. Efendieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 19.01.2026;
одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 12.02.2026
The article was submitted on 19.01.2026;
approved after reviewing on 12.02.2026; accepted for publication on 12.02.2026*

Сюжетология и сюжетография

Научный журнал

2026. № 1

Учредитель
Институт филологии СО РАН

Адрес учредителя, издателя и редакции
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090

